

Зимин
Ярослав

18+

Военноповинный

Ярослав Зимин

Военноповинный

«Автор»

2026

Зимин Я.

Военноповинный / Я. Зимин — «Автор», 2026

На выжженной земле, в окружении солдат и бандитов встретились двое: дезертир и мародёр. Их единственная цель — сбежать из этого проклятого мира и найти на краю света мифическую землю без войны. Но что делать, если твой главный враг даже не воин в черных доспехах, а твоё прошлое, мертвой хваткой вцепившееся за твоё горло? Возможно ли сбежать от погони и скрыться от рокового меча, когда главная беда на твоём пути — это ты сам?

© Зимин Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	6
3.	7
4.	10
5.	13
6.	16
7.	20
8.	22
9.	26
10.	29
11.	31
12.	33
13.	35
14.	38
15.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ярослав Зимин

Военноповинный

1.

Это случилось, когда я был совсем маленьким, па пан и пат 1¹лет назад. В те времена, когда мне ещё не было нужды думать о пропитании на завтрашнее утро и о месте ночлега. Тогда я жил в деревушке на окраине Восточных Земель – княжества, уже множество лет ведущего непрерывную войну с соседями, грызая за жалкие клочки территорий как собаки за кость.

Войной это не было или никто не осмеливался её так назвать, уклончиво клеймя стыдливими словами "пограничные бои". И никого не волновало, что эта граница полыхает кровавым тонами долгими и чёрными вечерами много лет.

И всё же, несмотря на близость к этим событиям и огромное расстояние между нами и столицей, мы, простые жители, чувствовали себя защищенными нашим Князем. Через Криштин, мою малую Родину, проходили колонны солдат, идущих на фронт, и телеги, нагруженные доверху оружием и припасами. Изредка по нашей главной дороге гнали ручеек военнопленных. Их глаза были пусты, а согбенные тела волочились в неизвестность, принимая помой и нечистоты из вёдер наших людей на и без того грязные рубахи и кафтаны.

Напротив, Восточные отряды, которые мы гордо называли "своими", наша деревушка всегда встречала с великой радостью и гостеприимством, бросая им под ноги полевые цветы, и суя баклажки свежих ягод и очищенные орешки в руки в стальных наручах.

И я был тем, кто задыхался от волнения от вида мужчин с саблями на поясе и стальными пластинами на теле. Отец в такие моменты всегда трепал меня за волосы и говорил как бы мне, но так громко, чтобы каждое ухо вокруг нас услышало эти слова: "И ты тоже, сынок, будешь защищать нас с оружием в руках, когда подрастешь!".

Было невероятно радостно присутствовать на этом празднике войны лично, хоть и наблюдателем, не вмешивающимся в сам процесс, как одурманенному восторгом зрителю на выступлении артистов. Но рано или поздно, должен был настать тот день, когда нас, жителей Криштина, одели бы в яркие цветастые костюмы и выдав лютни, сказали бы: "Пора, на сцену!".

Внезапно ситуация на фронте изменилась в худшую сторону. Каждый день мимо нашей деревни проходили отряды, ничего не говоря и отвергая любые мольбы об объяснениях. Разрывая в клочья землю, рвались куда-то кони, вдаль на ужасное красное зарево, откуда всё ярче и ярче виднелось пламя и слышны были звуки ожесточенной битвы.

В одну из таких ночей, я проснулся от кошмара. Нечто столь ужасное было в нём, что заставило подняться меня с криком с лежанки. Однако я забыл его с годами... Но я точно помню, гору, по которой, не прекращая, били залпами ярко белые стрелы.

Я подошёл к окну, чтобы отдышаться от дурного сна и увидел, как люди, скачущие верхом на лошадях, бросают горящие факелы на крыши наших домов и на стога сена. Вспышка света напугала меня, и я закричал от ужаса... Дальше только крики мамы... Вопли людей на улице... Безумная суета, кружащая голову...

Я выбежал из дома, но родители... Где? Где они?!

¹ Здесь и далее будут приведены пояснения к местной системе счисления. Для понимания будет приводиться сноска с объяснением, как посчитать используемые числа и их перевод на арабскую систему счисления. Па(2) [пропуск](считается как умножение стоящих по бокам цифр(*)) Пан(6) и(считается как сложение предыдущего произведения цифр к следующей цифре(+)) Пат(3) = 15. Таким образом Па Пан и Пат = 15.

2.

Нет, это не снег. Ведь, как и сейчас, тогда только заканчивалось лето.

Ах, да, это пепел, как я мог забыть. Он кружит вокруг меня, как рой назойливых, но почему-то бесшумных мух. Еле валит дымок из головешек вокруг, сливающийся с черными тучами над моей головой.

Вокруг никого, абсолютно никого.

Похоже, я ударился головой, пока бежал, и уснул в цветах, растущих у дома. В это время, кто успел, убежал в лес, а кто растерялся – сейчас лежит под обломками обугленный, уже без дыхания.

Я подошёл к моему дому, ещё совсем недавно отравляющему соседских женщин желтой завистью к моей маме из-за своей ухоженности и красоты. Сейчас тут только обломки стен. Крыша обвалилась, придавив все скамейки и столы, что были на полу, разбившись только об печку. На мысли о том, что там, под обломками крыши, заставляют меня сжиматься от ужаса. Дальше всё, как в тумане. Я не имею ни малейшего понятия, чем я занимался, но если память не издевается ехидно надо мной, то через несколько дней, меня, всего грязного и измученного от голода, вытащили с чьего-то огорода, где я грыз сырую картошку.

Несколько солдат армии Востока привели меня в свой лагерь, который был недалеко, день пути, в сторону столицы. Меня, измученного, несли на руках, а я мечтал тогда только о теплой постели, ведь руки солдат обжигали меня холодом лат.

В лагере меня накормили, помыли и расспросили обо всём, что произошло. На все мои слова солдаты лишь сдержанно кивали головой, да переглядывались меж собой. Предложение остаться и помогать по хозяйству мне пришлось принять, хоть и со сжатыми губами. Это значило, что отныне я обязан готовить, чистить оружие, стирать и полировать сталь для офицеров. Грязная работа, но это всё же лучше, чем нищета и смерть на черепках сгоревшей жизни. Так я тогда решил для себя.

Освоившись в новых условиях жизни, я потихоньку начал приходить в себя. Голод больше не мучал меня, и я вдохновенно сказал себе, глядя на солдат Востока – “А я ведь сейчас нахожусь с теми, кем я всегда восхищался! С теми, кто однажды отомстит за моё горе! Это же те самые герои нашей могучей Ганмании, в которой много несметных богатств и великих людей, способных восстановить утерянную власть над южными бунтовщиками! Я помогу им в этом, пусть хоть умру!”

Но жизнь оказалась намного сложнее, чем я думал в детстве...

3.

Скрип двери за спиной вывел меня из транса, и я увёл свой уставший взгляд от уложенной ветром травы у реки, над которой, будто вата, плыл порванный в клочья туман, местами выходявший из берегов, заходя на территорию живых.

– Не спится, Арсс? – обратился ко мне парень па пан и пар²лет, выходя из деревянной избы, которую нам одолжили на эту ночь за одну оказанную услугу.

– Я уже говорил тебе, не называй меня так, Армир, – я ответил на такую дерзость с сухой злобой. Не люблю, когда моё имя сокращают до Арсс, о чем он прекрасно знает.

Сказал я это в никуда, ведь он уже успел пройти мимо меня своей вальяжной походкой к краю скрипучего крыльца. Его взгляд устремился в необъятное ночное небо.

Разглядывая дальние облака на Севере, он лениво прозевал мне:

– По-моему, это странно звать кого бы то ни было по его полному имени ночью, Карссен. Темнота лишает человека его лица, блеска одежд, скучного статуса и происхождения от незнающих. И если передо мной будет Князь или обычный бродяга, вроде тебя, для меня все будут равны.

Армир облокотился руками на перила крыльца, не сводя взгляд с небосвода цвета копоты. Его лицо озарило его собственное приятное свечение, лёгкое и такое нереальное. Будто бы всё это лишь сон в моей голове, и он закончится вместе с первыми голосами зычных петухов.

– Поэтому ночью, даже пожилому мастеру кузнечного дела, я скажу: "Привет, брат!" – живо воскликнул он и был со мной честен, как отражение реки.

– Веружу ты бы смог так сказать? – спросил я насмешливо.

– Любим военачальникам я в ноги плюну. Хоть днём, хоть ночью! – язвительно ответил Армир, бродяга с Севера.

Его угловатые плечи и худощавое телосложение придавали ему вид огородного чучела с длинными руками и золотыми волосами, сделанными из пшеницы. Но манерные движения и ловкие выстрелы его бровей цепляли людей, независимо от возраста и пола: мало таких броских парней ходит в этих землях.

– Ты так и не ответил, тебе не спится или как? – переспросил он, иногда поглядывая на меня.

– Опять от холода пальцы заныли, – коротко ответил я, держась за обрубки вместо пальцев правой руки.

Я сделал тяжёлый вздох и сжал зубы от резкого наплыва боли на концах обломанных костяшек. Приходится скрывать уродство тела то рукой, то держа ладонь за спиной.

– Ночью вряд-ли кто-то откроет нам, чтобы дать хоть травы какой-нибудь от боли или кастрюлю для горячей воды, – заметил Армир.

– Не понимаю я тебя. Зачем из-за такой мелочи жизни ходить и унижаться за... Тёплой водой? Смешно же.

– Тебе голову отсекут, так и тогда скажешь, что это мелочь, само заживёт, а? Надо лучше за собой следить, брат. Тело – это наше всё. Если ему плохо, то душе тоже не сладко.

Блондин достал из кармана штанов тонкий портсигар из бронзы, с выгравированной фразой на крышке "Слава Армии Франселендии!" и вынул из неё самокрутку. Говорил он всем, что купил портсигар, но я прекрасно понимал, что вещь краденная.

Он сжал папиросу с широколиственником зубами и достал устройство из Северных земель, которую там называют "колёсико". Устройство выглядит как маленькие тески, которые удерживают легковоспламеняющиеся материалы, например, сухую траву, покрытую смолой, и

² Па(2) [пропуск](*) Пар(6) и(+) Пар(4) = 16

железное колёсико, высекающее искры об кремний. Прибор очень популярен и высоко ценится на Востоке.

Этим колёсиком он поджёг самокрутку, сделал глубокую затяжку и, немного погодя, выдохнул серый дым, который вернулся на крыльцо, окутав его как одеяло.

– Будешь? – Армир посмотрел на меня, держа открытый портсигар в ожидании моего слова.

– У меня нет настроения курить, да и я уже замёрз, – бросил я и развернулся к двери со скрипучим поворотом сапог.

Он ничего не ответил на это, и я направился в тёплую избу, которая ещё недавно пустовала. Нам с Армиром рассказали местные, что в ней когда-то жила семья: муж, жена и их маленькая дочь. Мужа убили на фронте, а жена его с их дочкой утопились от горя. Поэтому дом и был заброшен какое-то время, ведь люди боятся таких горьких мест. Но нам, кто ходит со смертью об руку, до таких деталей истории нет никакого дела.

На самом деле, нам повезло, что мы наткнулись на эту деревушку, аккуратно пристроившуюся к реке Распутье. Поначалу нас встретили с Армиром с испугом, увидев наши сабли и мои стальные пластины на одежде. Жители подумали, что мы из разведки какой-либо армии: совершенно неважно какой.

Но как только они поняли, что мы обычные бродяги, то предложили хлеб, молоко и ночлег, но и взамен попросили услугу: помочь с шайкой бандитов, которые пугают их и вымогают еду.

Ситуация обычная: такое повсеместно происходит на приграничных территориях. Какие-то мальчишки решили поиграть во взрослые игры с саблями наголо, грабя всех, кто не может им ответить. Такое я видел нередко и это не вызывало ничего, кроме раздражения.

Согласившись помочь, мы отправились в указанное местным мальчиком место их обитания, где он их встретил, когда искал ягоды в лесу, в па патЗ³моноаках⁴от деревни. Придя на место, Ар хотел договориться с ними, но, как всегда, у нас всё пошло не по плану.

Мои мысли прервал, вошедший в дом Армир. На его лице засияла улыбка во все зубы, а это значит, что он пришёл с какой-то дурацкой идеей.

– Карсс, – начал он быстро пересказывать только что составленный план, – а может девушек местных позовём в речке искупаться, а? Как тебе предложение? Отличное, правда?

Он закрыл с грохотом громоздкую входную дверь и отрезал нас от прохладного предосеннего ветра и оставил улицу без света нашей горячей печи.

Я сел на прикроватный стул возле родительской кровати и вытащил саблю из ножен. Стул уютно поскрипывал от моих движений.

– Ты с ума сошёл? В такую-то темень? – Спросил я, внимательно рассматривая клинок на наличие зазубрин и сколов.

– Да, ночь на дворе и всё прочее, но разве это остановит наши горячие молодые сердца, жаждущие приключений? – он встал прямо передо мной и обнажил свои зубы, видимо, чтобы я уж точно согласился на эту авантюру.

– А как же холод, Ар? Не очень-то весело в холодной воде купаться и это я не только за себя говорю, – резонно заметил я и потянул к себе походную сумку из-под кровати.

– Так в этом и суть, Карссен! – он прыгнул на маленькую кровать. В ходе спора при помощи соломинок мы распределили кровати так, что мне досталась большая, а ему маленькая, на которой спала когда-то девочка. Она заправлена той же простынёй, которая была у неё, никто из местных ничего не трогал здесь.

³ Пан(6) = 6.

⁴ Моноак – местная единица измерения длины, равная 39, 24 метра.

– Мы позовём девчонок, – продолжил Армир, делая хитрый акцент на слове "девчонок", – они, конечно же, согласятся, как можно отказать таким крутым парням как мы? Потом, в процессе купания им станет холодно, и они полезут к нам в объятия, греться! Ха! – он завершил пересказ своего плана восторженным возгласом.

Я ничего не ответил на это, а полез в сумку за точильным камнем и тряпочкой. Армир пристально смотрел на меня, ожидая ответа.

– Слушай... – начал говорить я.

– Да? – спросил нетерпеливо Армир.

– А как ты хочешь умереть?

Армир ошалел от такого вопроса и отодвинулся подальше от меня к стене приставными движениями ног.

– Ты это к чему? – спросил он испуганно.

– К тому, – я встал в полный рост и подошёл к нему. Я почти упирался своими волосами, которые обычно напоминают людям иглы ежа, в потолок, смотря вниз на Армира, как хищная птица на свою жертву, – что ты опять взял мой камень без спроса.

Армир сделал удивлённое лицо, посидел немного в раздумьях и сказал, – так ты сам свой абразив выбросил, забыл?

Не понимаю, он меня за идиота держит что ли. Как я мог выкинуть свой точильный камень, такой необходимый предмет в обиходе человека с оружием.

– Что ты имеешь в виду? – скрипя крепко посаженным на сабле древком, спросил я.

Армир откинул за спину свою драгоценную накидку из красного сукна, поверх которой висит кусок тонкой кольчуги, скрывающей его бок ровно наполовину бляхи ремня. Этим движением он обнажил кафтан с несколькими пришитыми им же карманами и достал из одного из них свой точильный камень.

– Ты свой камень бросил в жениха на свадьбе, на которой мы были недавно. Не помнишь? – Он протянул руку с камнем мне.

– А зачем я это сделал? – недоумённо спросил я, неотрывно смотря ему в глаза, пытаясь вспомнить тот вечер.

– Потому что он поцеловал твою "суженую", а, на самом деле, свою невесту, – на слове "суженую" он сделал особый упор, пытаясь спародировать, как видимо, мой говор, когда я был пьян.

Я когда –то умру, но не от дырки под ребром, не от меча между моей головой и шеей, а от того, что я захлебнусь деревенским спиртом. Не самая плохая смерть, если так подумать.

– Что же ты, белокурый, меня не остановил от такого позора? – спросил я, взял камень и повернулся обратно к стулу.

Армир, со своей дурацкой привычкой прикрывать рот, когда смеётся, начал хихикать. После пары мгновений этого отвратного зрелища он всё же, пересилил себя и сказал, – Ну нет, Карсс, такое зрелище обрывать на самом интересном месте – это настоящее преступление! Я хотел увидеть эту историю до конца!

Хоть и поздно, и не по возрасту такие игры, но я развернулся на полпути к стулу и метнул камень ему обратно, целясь в стену, но делая вид, что хотел проломить его пустую головешку. Армир даже не шелохнулся и не попытался увернуться от удара, но смеяться перестал.

Он подобрал камень и положил обратно в карман кафтана.

– Ты ещё и недоволен, я после этого еле уговорил отца невеста не слишком сильно бить тебя палкой по спине. Ты лучше скажи, что решил? Пойдём на речку?

Сложив все вещи на место, решив, что чистка не нужна, я лёг на кровать, лицом к стене, положив правую руку под голову.

– Пошёл ты, Армир. – буркнул я, закрывая глаза.

4.

Боль. Безумная. Кровь. Как река выходит из меня. Проклят я на это.

А пальцы как высохшие черви. Жизнь уходит из-под ног.

– Эх, – закричал я, только открыв глаза от беспокойного сна. – Опять этот кошмар.

Когда-то я сойду с ума из-за них. Тот же сон, тот же день, тот же миг из прошлого, который преследует меня по холодным ночам, когда мои пальцы особенно сильно болят.

Армир уже встал, небось пошел девкам хвалиться и детям небылицы рассказывать, как он "вилкой полк южан заколол!" или, что ещё смешнее, что он незаконнорожденный сын Князя Севера. Его истории звучат как бред, но их слушать... даже не знаю, интересно, что-ли. Обычно я стою рядом и слушаю, пока он развлекает мальчишек яркими рассказами, а девушки в это время плетут косички из его длинных волос. Интересно, что он любит в этой жизни больше: свою красную накидку или быть в центре внимания?

Начистив ботинки мазью из сажи и наточив саблю оставленным камнем Армира я вышел в свет, прихватив походную сумку с собой, чтобы отправиться дальше на Восток. Разлитое, словно парное молоко, белоснежное одеяло украшало вершины величественных гор над самым большим государством наших Земель – Ганманией или, по другому, Восточной Землёй, называемое так из-за расположения относительно остальных Земель. Но не в столицу я желаю теперь попасть, а намного дальше, дальше, чем сами эти горы: туда, где не простирается ни одна власть и человеческий закон.

Возле реки виднелись небольшие покрытые темной сажей сыродутные печи, в которых обычно плавят руды, но сейчас возле них нет никого и рабочее место пусто. Поначалу может показаться, что работа не кипит из-за неподходящего часа или недостатка материалов для плавки, но проходя по деревне, я не заметил крепко сложенных могучих людей. Старики, женщины и дети в окружении хилых деревянных домишек.

По мере приближения к колодцу, возле которого на скамейке удобно расположился Ар, до меня начали доноситься щебетание детей и весёлый голос моего товарища.

– Девочки, по очереди, плиз, – смеясь в своей манере, сказал он собравшейся толпе. Говорил он, подчеркивая свой северный акцент, приправляя словами из далёких для жителей мест. И всё для того, чтобы больше впечатлить окружающих.

Девушка па пан и пат лет⁵, с длинными, как смоль, чёрными волосами, с искренним интересом спросила: "Неужели, ваша вилка не затупилась от стольких ударов, господин Армир?"

Хотя они почти и ровесники, но девушка к нему обращается "господин", поскольку у него с пояса свисают ножны, а значит, что человек он уже непростой.

– Оф корз, она затупилась, к великому моему сожалению, но я всегда найду выход из любой ситуэйшен! – и тут он вздергивает руку в мою сторону с разжатой ладонью. Сигнал я неохотно принял и бросил его точильный камень обратно.

– Я точил свою вилку прямо на ходу! – восторжествовал "великий" сказочник под бурные аплодисменты.

Обыкновенные охи мальчишек и вздохи девушек, как реакция на байки обыкновенного болтуна. В этой жизни достаточно красиво языком чесать, а правду ты говоришь или нет – не важно. И Армир об этом знал лучше всех.

– Господин Армир! – с восторгом от прошлых историй, с широко открытыми глазами, тараторил совсем ещё юный мальчик, – Господин Армир, а вы ведь сюда пришли с войны, да?

Армир улыбнулся и поправил волосы назад.

⁵ Па(2) (*) Пан(6) и(+) Пат(3) = 15.

Как быстро он перевёл взгляд на меня, не убирая улыбки с лица, так же быстро он и отвел его от моей персоны, – Нет, я скорее вольный воин. Помогаю беззащитным, спасаю невинных!

Мальчишки заметно приуныли, даже опустили взгляды на землю. Он примерно понимал, что послужило их разочарованию, но всё же спросил причину их грусти. Мальчик под нос себе пролепетал, чуть шмыгая от надвигающихся слез, – Моего брата забрали на войну с южанами.

– Мы думали от вас хотя бы узнать про наших. Что там с ними, как они... – куда-то улетучился азарт от историй у мальчика постарше. А у девушек, хоть и пропало на мгновение настроение от этих напоминаний о суровой жизни, но они отнеслись проще к этой ситуации и просто промолчали. Они были совсем не против послушать ещё небылицы молодого авантюриста.

Но вот что я точно понял, когда я ещё лук на армейской кухне чистил, так это то, что, когда подходят пожилые вояки, прямо как этот приближающийся хромым старик, про боевые заслуги рассказать, молодым – надо отступать, прикрывая тыл от удара тростью по хребту за скучающий взгляд. Знаю, некрасиво, но мне своих ночных кошмаров хватает и чужих мне не нужно.

– Что ты там детям крамолу несёшь?! – Вдруг взорвался подошедший старик. У него не было руки по локоть, а другая занята тростью из ошкуренной сосны.

Озлобленный и с острыми чертами лица. Мне на мгновение даже показалось, что я его уже где-то видел, но решил, что просто мерещатся старые образы.

Армир посмотрел на него. Он уже подошёл практически вплотную. От вида этого пожилого человека и его лица, искаженного недовольством и ворчливостью, у Армира мгновенно слетела улыбка.

– Да так, объясняю детям, что в бою воин должен пользоваться смекалкой и хитростью, а не одной лишь грубой силой... – начал оправдываться блондин.

– Рот закрой, мелочь! – видимо его это задело, и он даже не дал закончить объясняться.

Он напыжился, встал прямо, насколько позволяла искалеченная нога, и начал медленно всем нам вбивать в непробиваемые головы “мудрость”.

– На поле битвы главное – крепко держать свою саблю в руках и выполнять все поставленные задачи! Так меня учили, и я так учил новобранцев. Современное поколение смеет умолять основы и базу воинского долга. Он пытался вразумить нас и зарядить на великие свершения.

Армир, надо сказать, недолюбливал военных, ведь ещё несколько месяцев назад он сбежал от них, собирая на полях оконченной битвы всё, что можно продать в городе.

Столкнулись два сильных чувства Армира: любовь к вниманию от верных слушателей и нелюбовь к военным людям. Они слились в единое целое и явили в свет страшное нечто, что должно было как потешить самолюбие Армира, так и морально отомстить этому старику.

Дети помладше увлеклись их разговором про врагов, про воинский долг и начали фантазировать, как бы это было, размахивая вокруг себя палками. Они ещё маленькие и многого не понимают, и для них вся жизнь пока игра.

Опыт подсказывает, что такие разговоры ни к чему хорошему не приводят, но кто выручит бедолагу Армира в трудной ситуации, если что случится? Конечно же не я, особенно после истории со свадьбой. Да и посмотреть как его будет бить этот старик, я был бы очень даже не против.

– Хорошо-хорошо, тише ребят. А если серьёзно, Вы говорили насчёт выполнения задач. Мне не понятно, глупый пацан я, сами понимаете. Прямо вот все нужно выполнять, да? – Армир приложил руку к лицу и начал поглаживать несуществующую бородку. Смотря на собравшуюся компанию, мне кажется, что только я понимаю, к чему он клонит.

– Неукоснительно! – старик нахмурил брови так, будто Ар у него в подчинении и, соответственно, должен сейчас выслушать все эти очень важные наставления, а по окончании воспитательной беседы, сломя голову, бежать ямы рыть, да саблю полировать.

Непонятно до сих пор, кому эта речь предназначена. Мальчики похоже привыкли к речам этого человека, игнорируя его, а девушки же смущённо хихикали, поглядывая на блондина и что-то шептали друг-другу на ухо.

– Ну, а если какой-то приказ совсем идиотский?

– Ничего молодежь не понимает! Старшим по званию всегда виднее, что делать солдату! – слова эти вышли из его рта с таким количеством слюны, что больше похоже, будто он хотел оплевать всех присутствующих, а не донести какую-то мысль.

Армир, сдерживая рвотные позывы от этого “потока”, пододвинулся поближе к деду и сложил руки в ладоши, прислонив их к лицу.

– Хорошо, вот даст вам приказ старший по званию: вырыть себе же могилу, да побыстрее! – рост старика было сложно определить, ведь он с тростью, но он всё равно будет ниже меня и Армира. – Что Вы делать будете?

Дед засомневался в ответе, почуяв подвох, и чуть замялся, но всё же ответил. – Что тут думать то? Пойду и вырою, раз велено.

Армир, еле сдерживая смех, всё-таки сказал, – А рыть вы чем будете? Культей своей? Долго же это будет!

Он ведёт себя порой как ребёнок, но не мне ему мораль читать, как-никак. Пусть жизнь рассудит, кто из них прав.

Он же в это время чуть не провалился в свои руки, а потом и в землю, от смеха, который уже никакой ладошкой ему не удавалось прикрыть. Девушки тоже расхохотались, а вот мальчики из-за своего оживленного разговора о предстоящем досуге пропустили всю шутку и не поняли из-за чего тут смеются все остальные и злится старик.

И только ветеран, пожилой человек, не смеётся, а поднимает свою сосновую трость и замахивается прямо в голову блондину.

5.

Приведя Армира к реке, я чуть постоял без слов упрёка над ним, ожидая, что он сам мне скажет что-нибудь. Осознав его намерение промолчать я открыл рот первым.

– Не стоило тебе так шутить, Армир. Получил, что заслужил, так сказать. Сильно болит?

У него пропал весь тот запал и теперь он тихо сидит на берегу реки, опустив босоногие ступни в прохладную воду. От деда он всё же получил по голове. Он ещё и меня пытался спросить про мою армейскую саблю, но я быстро его успокоил парой ласковых слов, забрал контуженного и повел смывать позор.

– Да, немного...

– Вот, – я протянул ему чистый кусок ткани, покопавшись в сумке. – Намочи и приложи, хоть гудеть перестанет, да и кровь смоешь, – Даже не поворачиваясь, продолжая смотреть сощуренным взглядом на гладь реки, он ответил, – Я лучше так посижу, вообще неохота двигаться.

Слов старшего он не захотел слушать, предпочитая невежественно, с присущим ему свойством, и желанием самому решить свои проблемы. Такого, естественно, я терпеть не намерен.

– Я тебе сказал, приложи тряпку немедленно! Делай, что приказал!

– Нет, Карсс, я потерплю, – его интонация не изменилась, он всё так же смотрел в речку, пока я как дурак держал тряпку и ждал от его пустой головы благоразумия.

– Кретин...

Я встал на корточки, намочил тряпку и брезгливо бросил её ему на кольчугу. Она расстелилась по его груди, цепляясь за плечо в желании не упасть на покрытую сухой травой землю.

– Вытирай кровь, пока не поздно, блондин, – фыркнул я. Я не хотел этого, но угроза сама вышла из моего рта, как нечто естественное при убеждении упёртого человека.

– Тебе не кажется это странным? – Армир очнулся и отряхнулся от боли, как от опавших осенних листьев.

Я начинал потихоньку кипеть от его поведения, будто чайник над огнём, но я должен держаться, я сильный...

– Что именно? – как можно спокойнее спросил я у блондина.

Армир, неотрывно смотрел на берег реки, показывая ладонью на плывущие по течению картофельные очистки.

– Кто-то картошку чистит, что тут странного?

Чистят и чистят, а что тут такого...но я почему-то напрягся и инстинктивно положил ладонь на рукоятку сабли. Что-то мне подсказывает, что стоит отнестись к словам Ара серьёзно, ведь не каждый день он спускает свою задорную улыбку и уголки рта ползут вниз, в положение сосредоточенного размышления.

Он наконец-то повернулся ко мне лицом. Волосы у него легли так, будто на них свила гнездо сумасшедшая ворона в своём своеобразном видении строительства жилища. С макушки и до брови у него идёт след высохшей крови, на лице выраженное замешательство.

– Карссен, мне девочки местные рассказали, что за лесом, – он указал рукой на этот самый лес, лежащий по праву от него. – Стоит ещё одно рыбацкое поселение – Начальное. Можно было бы предположить, что от него всё это сплавляется, но кто будет в реку очистки кидать, когда можно свиньям скормить или на компост бросить? Да и просто далеко, вряд-ли бы они доплыли оттуда.

– Ты что же это сказать хочешь?

– А то, что наши друзья ещё тут, неподалёку. Я, конечно, сказать точно не могу, но всё выглядит именно так. – Армир опустил голову и посмотрел на меня исподлобья, с зажатыми, будто щипцами, губами и уставшими глазами.

Поразмыслив над его словами, я понял, что Армир сделал верные выводы. В то же время я почувствовал, как заражаюсь скрипучей злостью от мысли, что обещанная помощь, оказывается, не выполнена.

– Мы ведь уже сказали жителям, что те оборванцы их больше не потревожат... – я закинул сумку за спину, чтобы отнести её в дом и спрятать. – Я же дал понять этим пацанам, что им лучше бежать подальше отсюда, хоть на скалы, мне наплевать. Лишь бы на глаза нам больше не попадались. А они, видимо, не поняли мой намёк.

Армир тоже встал. Ему пришлось сорвать тряпку со своего плеча из-за зацепившейся ткани за чешуйку кольчуги и только после этого он начал вытирать лицо от крови. Закончив, он быстро подошёл ко мне.

– Под намёком ты имеешь в виду то, что ты тому резкому парнишке, который тебе про “их лагерь– их законы” рассказывал, саблей чуть голову не отрубил? – Блондин посмотрел на меня удивленным взглядом, обгоняя мой шаг.

– Он сам виноват, что начал так дерзко говорить со мной. Не надо было меня злить, – Скрывая глаза от утренней зари, я шагал по пыльной тропинке, переходящей в мятую траву. – Урок они не усвоили, так что разговор на это раз будет жёстче.

– Жёстче? Ты серьёзно думаешь, что был мягок тогда? – он обнажил зубы и опустил брови так, что они почти соединились над переносицей. – Ты же при входе в их лагерь сразу их кастрюлю с едой перевернул и начал грубить, оскорблять мальчишек. Я еле как всё это уладил, а ты всё... Испортил по итогу.

Армир злится не часто, но эти будто искрящиеся, синие глаза я запомнил ещё в первое наше знакомство. Его остекленевший взгляд для него словно рапира, ловко разящая врага холодными уколами.

– А как ещё с такими упырями ты мне предлагаешь общаться? У них нет за душой ничего, никто их не воспитывал, вот и ведут себя как законченные головорезы. Такие только язык насилия поймут. – Пытаясь отбиться от его колющего оружия чеканил я.

– Карссен, и я, и ты в такой же ситуации, если ты ещё не понял, – Армир отвернулся, сместил свой взгляд себе под ноги. – А ты всё делаешь вид, будто ты... В общем, можно было бы попробовать спокойно поговорить, попросить их не отбирать еду у людей.

– Ты из ума выжил?! Их было в несколько раз больше нас и все они вооружены. А ты их просить о чём-то хочешь?

– Но у них же не было...

– Откуда ты это знаешь? – подхватил мысль я. – Рядом фронт, мало ли что они с него стащили, пока заграничники не появились. Так рисковать своими жизням из-за непонятно кого – просто смешно, ты должен это понимать.

Мы остановились на крыльце нашего временного убежища. Армир сложил руки замком и посмотрел мне прямо в глаза, что-то пытаясь в них найти. Взгляд настолько пронзителен, что кажется будто он у меня в голове руками копошится и ищет ответы на свои животрепещущие вопросы.

– Тебе их совсем не жалко? – прервал он молчание.

– Нет, они заслуживают кары.

– Ты ничего не понимаешь, Карссен, – оборвал он меня на полуслове.

– У нас нет на это времени, Армир. День не вечный, а нам ещё найти их новый лагерь надо в этом дремучем лесу, – сказал я, пытаясь закончить этот разговор ни о чём.

Я зашел в дом, не закрывая дверь. Армир стоял на том же месте, смотря мне в спину, всё в той же позе, сверля мне затылок взглядом. Дом небольшой, поэтому скрыться от него было непростой задачей. Армир перешел через порог и встал как вкопанный.

– Я думал ты хочешь измениться, – эти слова прошли паучьими лапками по моей спине.

От этой фразы я нечаянно дернул правую ладонь и ударился тем, что осталось от моего мизинца. Обрубок заныл, я задел кость.

– Что ты от меня услышать хочешь, Армир? Что мне парней жалко, ведь ни у кого из них, скорее всего, не осталось родных людей?, – всё это я говорю прямо в печь, так что звук доносится до Армира эхом. – Или из-за того, что их, наверняка, пытались забрать на какую-нибудь битву между Ганманией и Франселендии, а от страха они сбежали в леса?

– Да, именно этого я и жду, – он был непреклонен.

– С чего бы это, а? – сказал я при повороте головы к нему.

Я встал в полный рост. Армир хоть парень не низкий, но, чтобы мне смотреть ему в глаза, приходилось смотреть на полголовы выше. Но его это ни капли не смущало: он смотрел мне прямо в глаза уверенно и твёрдо.

– С того, что ты прошел через то же самое дерьмо, Карссен. Тоже бы сейчас был каким-то воришкой без гроша в кармане, – он посмотрел куда-то сквозь стену, постоял так и развернулся к дверям. – Только ты всё же остался в армии, – кинул он мне напоследок.

– Будто у меня выбор был... – уставшим от разговора голосом сказал я.

Я проверил быстрым взглядом снаряжение и пошел за ним. Пока я шел, мою руку будто магнитом тянуло на рукоять сабли. Неосознанно, спонтанно, из злобы, что мне нечего ему ответить на слова, которые в глубине души я принимал. Так нельзя, он хороший человек, хороший друг. Но сейчас я хочу оторвать ему голову.

– Как видишь, он был. Но это не важно: я уже говорил, что главное то, что бы ты сейчас выбрал, – Армир посмотрел на меня вполборота с такой жалостью, будто я щенок без лапы, который упал в грязь и не может встать.

Он вышел на улицу. Дневной свет освещал его золотые прямые волосы, нагревал кожаные наплечники на его теле. Одежда, несмотря на образ жизни, чистая и хорошо виден цвет его темно-желтого кафтана. Яркие блики от него слепили мне глаза так сильно, что мне тяжело на него смотреть из тьмы избы. Я не видел чётко его зрачков, но чувствовал их грозный вес на моём существе. Я вышел на крыльцо и прошёл мимо него, направляясь к предполагаемому лагерю.

Армир стоял на месте, не двигаясь.

– Пошли, ты тоже обещал местным разобраться с этими бандитами, – сказал я перед собой.

– Я пойду, – Армир повернулся к моей спине. – Если ты пообещаешь дать мне попробовать с ними ещё раз поговорить, прежде чем доставать сабли.

– Зачем тебе это? – я повернулся к нему лицом. Он остался на крыльце, в то время как я уже успел спуститься на землю. Так что я теперь смотрел снизу вверх.

– Мне их жаль, Карсс. Их ещё можно направить в нужное русло, как же ты не понимаешь? – Ар посмотрел мне прямо в глаза невыразимо тяжелым взглядом.

Что-то необъяснимое я в них увидел. Я отвернулся и сказал, – Ладно, будь по-твоему... Но если твой план провалится...

– Тогда я помогу в твоём плане. Таков уговор, – его лицо в мгновение ока приняло выражение привычного мне ветреного мальчишки.

Несколько шагов вниз по скрипучей лестнице и вот, он вместе со мной на земле, направляется в лес.

6.

Сейчас грабители, видимо, решили укрыться подальше, чтобы переждать нас и вернуться обратно на насиженное место. Такого мы допустить не могли, ведь мы обещали тем заплаканным женщинам, что их больше не потревожат. Армир тоже это пообещал, но даже сейчас он хочет избежать битвы и попытаться уговорить их найти другой способ выживания. Любой другой, но не грабить беззащитных людей.

– Ай, прямо в глаз! – Армир остановился, чтобы протереть глаз, в который ударила оттянутая им же ветка.

– Тише, дурак, ты их распугаешь, – вполголоса сказал я ему. – Мы уже близко.

С каждым шагом до нас всё больше доносились голоса молодых парней: неразборчиво, сбивчиво сливались они в единый поток. Но нутро мне буквально кричит, что они обсуждают планируемую расправу надо мной и Армиром за то, что я почти убил их брата по оружию.

Мы встали за кустами и начали рассматривать их новый лагерь. Он ничем не отличался от предыдущего: всё перенесли сюда до последней тряпки. Те же пат⁶палаток, в которых спят несколько человек сразу, такие же сумки, набитые ценными вещами.

– Ферий, ты уверен насчёт нового лагеря? Речка под боком, это, конечно, удобно, не спорю, брат, но то село не так уж и далеко, они могут выйти на нас, – заметно постукивая о камень носком порванного ботинка, спросил у товарища парень с короткими русыми волосами.

Их главный, бандит постарше, с тёмными волосами и стрижкой под горшок, ответил, – Гадрам говорит, что те отморозки ещё в селе: похоже точно ещё на ночь останутся. Мы пока дух переведём и воздуха хлебнём, а если они снова явятся к нам, – он повернулся в сторону одиноко сидящего парня у костра. – То можно эту штуку применить. Сэк, она целая?

– Да, Ферий, целая, – испуганно ответил Сэк, заглядывая себе за пазуху.

– Ты ведь сумеешь её использовать, да, Сэк? Я на тебя рассчитываю, не забывай. – спросил злобно лидер шайки головорезов.

Немного поёжившись, Сэк всё-таки ответил, – Я справлюсь, Ферий, доверься мне. Я хорошо обращаюсь с оружием.

Я повернулся к Армиру, и шепотом сказал, – Я же говорил, что они опасны. Надо их кончать прямо сейчас, раз и навсегда.

– Мало ли что там! – очень тихо фыркнул Ар. – Слабо мне верится, что они так легко нашли что-то стоящее в полях.

– Очнись, Армир, они опасны и для жителей, и для нас. Если мы сейчас не...

Поганая гниющая листва, всё-таки утаила веточку, что не осталось без внимания лагеря, зажужжавшего как потревоженное осиное гнездо.

– Кто здесь?! – вскрикнул один из парней, хватаясь за кортик, определенно украденный у солдат юга.

Остальные тоже подорвались с насиженных мест, хватаясь за рукоятки острых предметов, которые были у всех различны по размерам и принадлежности: от тесаков и кортиков до сабли. И только Сэк запустил руку себе под кафтан на пуговицах, судорожно ожидая момента, не спеша показывать своё оружие.

Напряжение повисло над всем пространством вокруг, подергивая мышцы нам всем как натянутые струны. Странная музыка была нам в антураж: постукивание сердца, отбивающего звон от стенок черепа; пение назойливых птиц и сдержанный перешептывающийся говор человеческих тел.

⁶ Пат(3).

– Всё под контролем, дай мне разобраться в этот раз, – сказал Армир мне, и выпрямился в полный рост. Неторопливые шаги понесли его в обожженный страхом лагерь мальчишек.

Привлекая внимание поднятыми руками, он демонстративно оставил палаш в ножнах и без резких движений вышел на свет.

– Мы пришли с миром, друзья! – сказал он собравшимся бандитам.

– Опять вы! Как вы узнали, что мы здесь? – спросил в панике Ферий.

– Вкусная картошка? Не поделитесь, а? – как медведь выкарабкался я из кустов и перевёл косой взгляд на явно что-то скрывающего Сэка.

– Дерьмо... на такой мелочи спалиться! Огонь вас пожри! – выкрикнул главарь шайки, на мгновение опустив от горя голову из-за столь глупой ошибки. – И что теперь, добьёте нас? Завершите начатое, а?

Сэк не двигается. Может ждёт команду? Бойтся? Что у остальных парней мне плевать: с ними мы и так разберёмся.

– Парни, мы не хотим сражаться с вами, мы вам не враги, – начал, со всепонимающей улыбкой, желая успокоить всех, Армир. – Ваше недоверие оправдано, и я не спорю, честно. Поэтому я вышел к вам с поднятыми руками, видите?

Мальчишки ничего не сказали на это, но и не двинулись с места, томно ожидая продолжения слов белокурого Армира.

– Я сам когда-то шарил по трупам после очередной битвы на полях сражения, да и сейчас подбираюсь и работаю за еду, что уже кривить душой. В общем, я только хотел сказать, что тоже живу как вы: доедая корки без соли, – чистосердечно исповедался о своей жизни Армир.

Но его нагло прервал главарь лагеря Ферий, – Да?! И что же вы продолжаете к нам лезть тогда, раз такие понимающие? Могли бы понимающе уйти и оставить село для нас, раз мы первые пришли. Да и в чем смысл теперь разговора? Уже приставили мне саблю к шее вчера, помните? А теперь поговорить хотите? За дурака меня держите, да?!

– Нам жаль, что так получилось, – Армир сделал шаг в их сторону. Ферий от испуга схватился за рукоятку сабли восточной армии, которая ждала своего часа в поцарапанных и обожженных ножнах. Я уже хотел начать бой, но Армир всех успокоил плавными жестами вдоль своих плеч. Магические движения подействовали и все поутихли.

– Мой друг немного... вспыльчивый, вот и делает поспешные выводы, – Армир посмотрел на меня, чтобы проверить как я держусь. – Мы бы хотели извиниться и ещё раз вас попросить уйти из этого леса. Вы уже достаточно испортили отношения с местными и вряд ли сможете поладить теперь.

Ферий убрал саблю в ножны, но держится уверенно, – Ты издеваешься что-ли, блондин? Куда нам уйти? Может на войне предложишь сдохнуть? А может лучше уйти ближе к княжеству, чтобы нас поймали там и отправили умирать на эту же самую проклятую войну?!

– Вы можете пойти в другую деревню и там попробовать начать нормально жить. В сёлах сейчас мало мужчин, ваши руки сейчас где-то очень нужны.

– Чтобы за нами рано или поздно пришли войска и отправили сражаться за очередной клочок земли? Ну уж нет, мужик, не пойдёт, – всеобщее одобрение обдало его, как горное течение и он воспрял, почувствовав себя настоящим лидером гордых воинов.

– Хорошо, тогда можно уйти ближе к Северу, там намного спокойнее, я сам оттуда, – попытался реабилитироваться Ар.

– Слишком опасно, по пути поймают или сразу в тамошний конфликт втянут между Востоком и Севером, – ответил один из парней, и все начали поддакивать.

Армир не успокаивался, хоть бандиты явно и запуганы нескончаемой войной, как молодая лошадь в своём первом сражении. Передо мной совсем не мальчишки, а загнанные волки, чьи зубы стучат от голода и холода.

На мгновение я увидел в Ферии себя. Такой же несчастный сирота... Но он выбрал нищету на земле вместо относительно сытой воинской службы, как сделал я в своё время. Потому ли, что он был достаточно смел и бесстрашен, чтобы оказаться окруженным трудностями жизни, лишь бы быть свободным и честным перед собой, в отличие от меня? Его храбрыющиеся маленькие глазки мне будто кивают, не оставляя и других мыслей.

– Лучше хоть что-то попробовать, чем жить как клещи на скотине. Я ходил по фронту, собирал сталь, какие-то припасы, детали и продавал жителям за еду. Вы же только отбираете, ничего не предлагая взамен. Вам самим то не стыдно?

В их взгляде проявилось понимание того, что им пытаются донести Ар, но всё напрасно они слишком напуганы. Я уверен, что сюда в дни, когда ветер тихо плывёт на лугах, доходят безмерно вопли несчастных людей с восточного фронта.

Я внимательно смотрел на банду. Их крысиные глаза свербят меня и подстёгивают, чтобы я вмешался наконец своим словом. Солдат всегда знает решение любой проблемы – убить её. Тогда ведь её не будет, для меня всё сходится.

– Нет, нам не стыдно! Будь наша воля мы бы жили честно, но моего отца забрали на войну, отца Гадрама забрали, все братья Сэка вернулись по частям с фронта. А потом пришли и за нами, больше некого было брать! Да, это плохо воровать. Зато так нас точно не найдут, и мы можем отсидеться, пока всё на большой дороге не успокоится. Так что мы останемся здесь, а вы валите подальше, – сказал за всех Ферий и громко ударил гардой сабли об губы ножен, под громкие крики одобрения от своры шавок.

Оглушительный вой изводит меня, проверяет на прочность. Будто мне нацепили металлическую кастрюлю на голову и бросают в неё камни, на меткость. И я терплю, терплю...

– Но! – сказал он же с повышенной интонацией, чтобы все притихли и услышали его следующую фразу, – Чтобы вам было с чем вернуться к людям, передайте, что мы согласны на обмен металла на еду и ещё защиту от других банд. Это вполне справедливо, а?

Парни начали переговариваться по поводу этой идеи главы лагеря и были похожи не против, но... почему я терплю это всё? Мы пришли их выгнать из этого леса, нас именно об этом просили! Жалкие воришки решили, что могут ставить мне свои условия?! Забыли мой приказ бежать отсюда?!

– Думаешь, собака, можешь так со мной разговаривать? – я не выдержал эту наглость, оттолкнул Армира и прошёл вперёд несколько шагов, чтобы меня все чётко и ясно понимали.

– Думаешь крутой, раз не стал в ряды Востока и пошёл своим диким путём?

– Что? О чём ты вообще говоришь? – испуганно, резким движением поправив на себе одежду, спросил Ферий.

– Я столько лет служил в армии, а ты тут мне хвастаешься, что смог уйти в лес и жить тут как победитель этой жизни, пока я корил себя за свою слабость?!

Тело обьяло жарким пламенем, и я уже не слушал никого, только впитывал окружающие взгляды как черная ткань жаркие лучи в безоблачный день. Рука опустилась на рукоять сабли и скаля зубы ждала.

– Беспальный, ты совсем одурел?! – прервал пронзительный Сэк моё помутнение. – Думаешь, что мы так же, как в прошлый раз будем трястись от твоей сабли?

– Вали отсюда, пока остальные пальцы не отрезали! – завопил бандит из группы, указывая на мою правую руку.

После этой фразы головорезы вдруг ополчились на меня, выкрикивая самые мерзкие и отвратительные слова, которые они только знали, совершенно позабыв про Армира.

– Обрубок, вали отсюда, тебе тут не рады! – кричал Сэк, который весь раскраснелся от волнения, заодно вспотев, будто он только что наковальню пытался поднять. Рука на том же месте, но начинает трястись. Парни, не забывая кричать на меня и провоцировать, периодически поглядывают на него, будто он последний способ противостоять нам.

– Что ты сказал? А ну повтори, щенок... – моё терпение лопнуло, будто стакан, от такого обращения. Я начал идти к нему, чтобы схватить за воротник и выбросить в реку паршивца.

Прочитав мои мысли, Сэк резко начал дергаными движениями лезть под кафтан. В голове вспыхнули губительный образы прошлого, и я потерял контроль. Мои конечности взяли верх надо мной. Меня больше здесь нет.

– Карсс, нет! – кричит мне Армир, но моё тело не слушается.

Из-под кафтана Сэка стала видна ручка искрящего пистолета.

7.

Левой, едва ли целой рукой я молниеносным, уже отточенным за месяцы тренировок, движением вытащил оставшийся со службы пистолет пружинно-капсюльной системы. Стандартное барядское оружие армии Востока. У Сэка, слава всем Богам, однозарядный пистолет, который срабатывает от кремниевого диска в казённом срезе ствола. Такой пистолет на Востоке выдают наиболее меткому лиряду, ведь такой пистолет хоть и легок в производстве, но всё равно ценен. Да, он ненадежный, да, из него только раз выстрелить. Но всё равно может проветрить мои, либо Армира мозги, стоит лишь искре коснуться гремучего песка.

Средним и безымянным пальцем я прижимаю ручку ударной пружины к рукоятке пистолета и отпускаю в исходное положение. Внутри пистолета взводится сама ударная пружина, а также проворачивается барабан пистолета, полностью заряженный стальными конусами, заостренными на конце. Щелчок удара ручки об спусковую скобу, пистолет заряжен.

Жму на спусковой крючок, и пружина бьет по капсюлю, поджигая гремучий песок в цилиндре барабана, который с огромной силой отправляет пулю вперёд, в шею молодого Сэка.

Пуля пролетела насквозь, она не задела костей, поэтому ей ничего не мешало заодно влететь в позади стоящее от Сэка дерево.

Выстрел был громом в солнечный день, ударивший всем присутствующим в нос мерзкими запахом серы. Запах, внушающий кому прилив сил, кому оглушающее желание бежать.

Кто-то испугался, кто-то бросился в мою сторону, а Сэк упал с простреленной шеей, пытаясь остановить кровь трясущимися руками. Он испускал последнее дыхание в своей жизни с такой болью, которую мало кто переживёт, и уж точно не он.

– Бей беспалого! – выстрел придал уверенности Ферию и он достал, с жёстким лязгом стали об внутренности деревянных ножен, украденную с фронта саблю.

Я делаю ещё одну перезарядку. В это время быстрым движением вытащил свой палаш Армир, но оставался на месте, совсем не двигался и смотрел куда-то сквозь, будто задумавшись о чем-то потустороннем.

Пока на меня бежали па⁷ближайших бандита, я выстрелил в грудь Гадраму, который пытался вырвать пистолет из руки, ещё пока живого товарища. Он умер сразу, упав рядом с ним, лицом в землю.

Выстрелы надо экономить, Гремучего песка осталось не так много, поэтому я втиснул пистолет в подмышку и схватился рукой за рукоять сабли. По началу это было невыносимо неудобно доставать её левой рукой с левого бока, но сейчас это более-менее я делаю быстро, без лишних движений. Перевесить не могу, воин должен носить саблю на левом боку, как завещали предки. А вот кобуру пистолета пришлось перешить, чтобы можно было доставать её с правого бока левой рукой без особых неудобств.

Один взмах и отлетела рука вместе с мясницким тесаком самого маленького по росту головореза. Он упал на бок и завыл пронзительным воем, держась за кровоточащий локоть. Этот ярко алый цвет пульсарами бьёт по зрачкам, мерцая, подобно бликам солнца в воде. Её вид будоражит во мне нечто, от чего хочется ещё больше размахивать мечом.

Я опустил саблю вниз, чуть за спину, лезвием к приближающемуся парню, которого я даже не знаю как зовут. У него светлые волосы, немного грязное лицо, но даже так я вижу его веснушки и зелёные глаза...

Он приблизился совсем близко ко мне, и я неосознанно дёрнул саблю вверх, расколов его челюсть на пополам, заодно разрезав шею. Я почувствовал его кровь на моём лице. Она

⁷ Па(2)

горячая как расплавленный свинец и пахнет как стружка железа. Пьянящий аромат возвращает меня в мои прошлые бои, которые сейчас кажутся самыми яркими моими воспоминаниями.

Последний из оставшихся на ногах подчинённых решил пырнуть кортиком Армира, но тот с мрачным, как ночь в грозу, лицом, перебросил палаш Северных земель из правой руки в левую, и поднял вверх. Он сделал резкое движение в бок, и кортик заискрился об его кольчугу. Армир мягко, но с огромной силой ударил паренька рукояткой палаша по голове и тот пошатнувшись, упал затылком вверх. Рана очевидно не смертельная, хотя чего удивляться: никогда не видел, чтобы Армир кого бы то ни было убивал.

Мы посмотрели на Ферия, который стоит в оцепенении от того, что его солдат неудачи только что изрезали всех в фарш, за исключением одного.

– На колени, я сделаю это быстро, – в приказном тоне сказал я ему и направил в его сторону окровавленную саблю.

Армир смотрел в землю, его лицо не выражало никаких эмоций, это было выжженное поле. В зубах тлеяла самокрутка из широколиста.

– Не может быть..., – у Ферия выпала сабля из руки, но он ещё стоял на ногах, трясущихся как ствол дерева, по которым навстречу лезет медведь.

– Может, – я медленно пошел в его сторону, держа саблю в руках, пистолет был уже вложен обратно в кобуру.

– Ты... – бандит посмотрел уже было мне в глаза, но сразу отвернулся рывком головы в другую сторону.

Где-то возле реки в это смиренно умирал парень без руки, весь побледнев от вытекшей из раны крови. Он уже не жилец, и пистолет, из которого так и не выстрелили, от него не близко.

– Кто? Кто я? – я остановился возле костра, чтобы услышать его слова.

– Ты чудовище! Монстр! – крикнул Ферий и сломя голову бросился в лес бежать.

– Ты умрёшь, гнида..., – прорычал я себе под нос и побежал вслед за ним.

8.

Армир тут же выплюнул самокрутку и побежал за мной с воплями: “Стой, Карсс, оставь его!”.

Этот выродок знает лес, я еле поспеваю за ним, стараясь не споткнуться. Армир бежит за мной, пытаюсь меня остановить. Его ладонь в моменте так близка к моему плечу, ещё чуть-чуть и он остановит меня. Но я злобно отталкиваю её и продолжаю погоню.

Ветки царапают моё лицо, корни и жгучие растения хватают меня за штанины, но от этого я становлюсь только злее. Моя ярость пересиливает разум, и я снова достаю пистолет, в нём осталось несколько заряженных цилиндров барабана. Должно хватить.

Я перезаряжаю его грубым ударом ручки ударной пружины об рукоятку пистолета и целюсь этому пацану в спину. Он бежит по большей части ровно, перепрыгивая упавшие деревья и ветки, как молодой заяц. Ферий точно знает куда бежит, он знает, что за этим лесом ещё одно село.

Выстрел! Мимо. Пуля влетела в дерево, отколов часть коры и распугав всех птиц в округе. Ферий на ходу наклонился и прикрыл голову, будто бы в него должно было что-то долететь. Делаю перезарядку и навожу пистолет...

Но Армир влетает в меня с правого бока, хватая за руку и пытается остановить, отводя запястье с пистолетом в сторону.

– Не делай этого, Карссен, – запыхавшимся голосом говорит он мне. – Оставь парня, он ничего тебе уже не сделает!

– Отвали! Я должен его догнать! – я отбросил его руку и рванул дальше за Ферием, который вырвался намного вперёд, но я ещё видел его открытую спину и поэтому не терял надежду.

Я бегу как дикий зверь. Моё тело ревет от желания догнать этого парня и разорвать. Зубы скрипят как широкие скалы, которые трутся друг об друга, крошка от них могла бы засыпать Юг, Восток, Север и Атом в придачу. Глаза, будто отдельно от меня живущие волки: ищут момент, чтобы напасть.

Сам того не заметив, я выбежал на поляну, на которой играли дети, а один пожилой мужчина там же выгуливал корову. Никто даже не обратил особого внимания на нас.

Я встал посреди этой деревенской идиллии и судорожно стал искать мою цель. Ферий бежал уже через обветшалые деревянные домишки, разгоняя живность на своём пути, мимо проходящих зевак, которые бывшего лидера головорезов знают, но даже сейчас, когда он сломя голову, без оружия бежит сквозь них, они всё равно его боятся и покорно расступаются.

Тут он внезапно сталкивается с девушкой и падает лицом в пыль. Этого хватило, чтобы существенно сократить дистанцию.

Ферий обернулся на меня и в его широко раскрытых глазах я увидел необузданный ужас. Одышка у него безумная, он на последнем издыхании, но и у меня дела не лучше. Хоть разгоряченная кровь и помогла мне пробежать сквозь лесополосу, но уже в этой деревушке я почувствовал острую боль в легких и в сердце, будто в них залили расплавленный металл и не дали остыть.

Он резко встал на обе ноги и продолжил бежать, теперь я понял, что его цель – река. Возможно, он хочет броситься в реку и уплыть на другой берег или он смог что-то другое придумать на ходу.

Между нами осталось где-то моноак⁸. Можно стрелять.

⁸ Моноак – местная единица измерения длины, равная 39, 24 метра.

На бегу я навёл пистолет ему в ногу и выстрелил, но попал только по его следу на грязи, ни капли не навредив ему. Я снова сделал перезарядку, пока пробежал через серый едкий дым. Сельчане запаниковали из-за выстрела и разбежались по домам, укрываясь от шальной пули.

– Карссен, идиот! Ты мирных так застрелишь! – на тяжелом выдохе, где-то за спиной, крикнул мне Ар.

– Нет, все уже разбежались! Можно стрелять! – с лёгким азартом ответил ему я.

Осталось всего пар⁹выстрела, на ходу зарядить не получится, надо попытаться сократить дистанцию.

– Отвали от меня, убийца! – раздался паникующий возглас Ферия.

И как по команде вокруг по ходу нашей погони начали кричать, чтобы я остановился, прекратил эту пальбу.

– Ирод, брось это! Детей поранишь! – крикнул какой-то старик по правую руку.

– Умоляю, не стреляйте! – поддержала его женщина, закрывающая своим телом маленькую девочку.

– Пожалуйста, хватит! – рыдала молодая девушка, упавшая на колени на краю тропинки. Она закрыла лицо руками, но даже так я вижу её перекошенное от рыдания лицо.

Эта страшная картина меня ненадолго словно вырвала из сна и в голове пронеслось "А может...".

Может Ферий всё-таки прав? Все эти искореженные ужасом лица выбивают почву из-под моей кажущейся правоты и уверенности. Они молят меня уйти, оставить их в покое, спрятать мою отвратительную, поцарапанную битвами волчью морду от их мирной жизни. Они не хотят войны в свой край, как и я когда-то...

Но я не могу отступить, ведь я не знаю как мне поступить иначе. Что делать, если не то, что я делаю сейчас?

Ферий выбежал на берег Стрелы, которая идёт поперёк Распутья и впадает в Пламенное озеро – территорию княжества Франселендии, Южные Земли. Он осмотрелся и прыгнул в рядом стоящую рыбацкую лодку, из которой только что вышел рыбак, оставив внутри весло.

– Остановите его! – во весь голос заорал я. Однако никто на берегу не решился этого сделать: Ферий беспрепятственно уходил вниз по реке на лодке.

Я осмотрелся вокруг, в этом маленьком порту стояло ещё несколько лодок, но некоторые были в ремонте: у них в корпусе были уже заделанные дырки, но оставались открытые пробойны. Рядом на сушке стояли и весла к ним. Они представляли собой длинную палку с двумя сплюснутыми концами, обшитую местами тонким металлом для укрепления.

Взяв одно из вёсел, я начал рассматривать лодки на их пригодность к преодолению хотя бы небольших дистанций. Одна из них подошла, она была полностью отремонтирована. Хотя она и предназначена для рыбалки и охоты, но сейчас ей придётся разогнаться как никогда. Опять же никто не стал сопротивляться этой, по факту, краже. Очевидно, людям не хотелось попасть под горячую руку.

Я закинул внутрь весло и начал толкать её в воду по песку. Неожиданно ко мне присоединился Армир, который помог мне вытолкнуть лодку на течение. Мы запрыгнули, и я начал как мог одной рукой и одной культёй грести, в основном гребя с правого бока, но стараясь равномерно это делать.

Ферий сидел лицом в сторону течения, он не грёб, пытался отдышаться от такой дистанции и пока не видел приближающихся нас.

– Почему ты мне помог? – не отрываясь от гребли наконец-то спросил я у Армира, – ты ведь кричал мне, чтобы я остановился.

⁹ Пар(4) = 4.

– Я помог, – Армир сделал несколько быстрых вдохов-выдохов, чтобы отдышаться, – потому что силой тебя не остановить, тебе крышу снесло от жажды крови, Карсс.

– И каков же теперь твой план? – Ферий близко, но всё ещё нас не видит или не хочет видеть.

– Застрелишь меня? – спросил я у него, повернув голову в его сторону, оставив руку с пистолетом в сторону течения.

– Нет, – помотал головой он.

– Тогда без шансов, – я повернулся в сторону Ферия и направил в его спину дуло пистолета. Осталось мало выстрелов, промахнуться нельзя, сумка с боеприпасами осталась в деревне.

Видимо Боги или какие-то другие сверхъестественные силы подсказали Ферию об опасности. Он резко дёрнул голову в мою сторону. Увидев меня, он прильнул ко дну лодки. Это было так быстро, что я даже не успел нажать на спусковой крючок, чтобы точно промазать.

– Вылазь, трус! Прими свою смерть! – злость во мне начинает кипеть с такой силой, что мне кажется, будто начинают плавиться мои кости от беспомощности.

Течение не очень быстрое, но я понимаю, что время не бесконечное, ведь мы так можем и до Южных земель доплыть, что может кончиться крайне плачевно для нас.

– Что теперь делать будешь, Карссен? Выпрыгнешь из лодки и за ним поплывёшь? – Армир облокотился на край лодки и сложил руки на груди.

Я почувствовал на себе его суровый взгляд, полный осуждения и упрёка моему упрямству. Прямо сейчас этот чересчур страшный взор моего товарища мне как игла под ноготь. Он обычно такой ветреный, спокойный, а сейчас ведёт себя как моя мать, Мир ей вечный.

Ситуацию осложняет то, что лодки обшиты, так же как и вёсла, металлом для устойчивости от ударов об камни в реке. Просто так прострелить вряд ли получится. Но иногда видна его спина, стоит попытаться...

– Карсс, хватит дурацкостями страдать. Спрячь оружие и успокойся.

Армир сидя в той же позе на другом конце продолговатой лодки понял мои мысли. Потянув с ответом, я всё-таки обернулся к нему и сказал, – Не могу я успокоиться, как ты не понимаешь?

– Всё ты можешь, – ответил он.

– Нет! – я отвёл пистолет от Ферия и полностью развернулся к Ару. – Он бандит, головорез! Нельзя его оставлять в живых.

– Себе-то не ври. Не в этом же причина твоего буйства!

Моя ярость вспенилась кровавым морем, и я слушал его, оскалив зубы.

Мимо проносились каменистые берега, деревья и где-то вдали виднелись сопки. У меня уже начинала кружиться голова от того, что плыву по воде спиной вперёд, но блондин не торопился с пояснениями своих слов.

– Ты злишься, потому что вы так похожи были вначале, но пошли по таким разным путям. Оба были одинокими детьми.

– Нет, он...

– Очнись, Карссен! – закричал Армир. Он сильно сжал губы и сглотнул воздух прежде, чем продолжить. – Он с другими мальчишками у селян картошку воровал. Да, это плохо, но точно не повод их убивать и преследовать через все Земли.

– У них было оружие, ты же видел это сам... – я пытаюсь хоть как-то возразить, но чувствую, как улетучивается мой запал.

– Если бы ты вёл себя адекватно, то я бы смог договориться. На крайний случай можно было бы их обезоружить и уже требовать что-то.

Он немного помедлил и продолжил.

– Ты ведь думаешь, что Ферий честен перед собой в отличие от тебя? Чушь! Он такой же лжец. Завидуешь ему, что он ушёл в леса подальше ото всех? Тогда посмотри к чему это привело? Нет, всё же солдаты князей и бандиты одни и те же, по своей сути.

– Это большая разница, Армир, – пытался возразить я, но инициативу в этом споре я уже потерял.

– Что те, что те вооружившись пистолетами и ножами, мнят себя выше всего сущего и думают, что право имеют на всё, до чего дотянуться могут и до всех, кто им не докажет обратное. А под так называемой "защитой" они все понимают защиту от своих прямых конкурентов, чтобы им не пришлось ни с кем делиться награбленным. Так что не так уж много различий у тебя с Ферием.

Я оглянулся на впереди идущую лодку. Ферий всё так же лежит спиной к небу и, наверное, просит Богов сохранить ему жизнь. Впереди видно Распутье, до него плыть уже недолго.

Ярость ушла, остался только страх. Страх, что Армир прав, что я гонялся за таким же как я. Запуганным жизнью, обескровленным и без семьи. Разве я имею право его судить?

– А что мне делать, Ар? Я совсем запутался, – я сложил пистолет в кобуру и развернулся к нему всем телом.

– Для начала оставь парня в покое, он уже сюда не вернётся. Это уж точно. – ответил Армир.

Да, это очевидный ответ. Настолько очевидный, что он, наверное, уже устал это повторять. Да и что я могу теперь сделать? Остановить его и извиниться? Ему это уже неважно, ему бы скорее удрать отсюда подальше. Но что-то не укладывается у меня в голове...

– Карсссен, поворачивай! – внезапно крикнул Армир, от своего испуга он попытался встать на ноги, но лодка ударилась об булыжник в воде, и он упал обратно на скамейку.

Я повернулся вперёд и увидел, как с Распутья плывёт куча распиленных брёвен, которые вот-вот пройдут сквозь Стрелу.

– Ненавижу! – проклинал в сердцах я судьбу.

Что ещё можно в этой ситуации сказать, кроме как выплеснуть поток ругательств и проклятий на наше невезение.

Армир выхватил у меня весло и начал поворачивать лодку изо всех сил влево, ударяя по воде с правого бока нашего судна с такой силой, что вода начала залетать к нам на дно лодки.

Я продолжал смотреть вперёд. Сейчас я бесполезен, ведь вёсел больше нет. Всё, что я могу, так это следить за брёвнами, которые начинают заплывать на середину перепутья рек.

Как только лодку Ферия принесло в это опасное место двух рек, одно из брёвен ударило по его лодке с такой силой, что он чуть не вылетел из неё, но успел подставить плечо в стенку своего судна и остаться на его дне.

Он привстал на согнутых ногах и посмотрел на нас. На гребущего Армира, на меня. У него приоткрыт рот, он тяжело дышал. Ферий посмотрел с недоумением на мой кобуру и снова на меня. Где-то у себя в сердце я ему сказал: "Прости".

На середину водного креста выплыл весь массив брёвен и забрал Ферия под себя, в тёмные воды горной реки.

– Нет, нет, нет! – последнее, что я услышал перед тем, как мы ударились на полном ходу в хвост этого деревянного монстра.

9.

Огонь костра освещал наш небольшой по размеру лагерь, стоящий на окраине леса, вблизи линии соприкосновения Востока и Севера. Деревья частично защищали нас от дождя, но всё равно пришлось натянуть тент над костром, чтобы его не потушил внезапно начавшийся ливень.

Я сидел близко у огня и грыз казенную буханку чёрного хлеба. По моей накидке бил глухими ударами дождь, оглушая мой слух. На огне варилась картошка и маленькие кусочки свиного мяса: всё, что мы смогли добыть за дневную вылазку в ближайшую деревню. Даже такую мелочь местные нам отдали с боем: один старик пытался по нам пальнуть из гремучей палки, заряженной железной стружкой, но мой новый подчинённый, лиряд¹⁰ Гелим, с испуга от одного вида оружия вытащил свой искрящийся пистолет и дёрнул за крючок, попав дедушке в плечо. Я сделал ему выговор за это при всех, а в это время нам принесли ещё кусок свинины и поклялись, что больше ничего нет. Разбираться и проверять подвалы я не стал, а решил оставить местных с миром и их правдой.

Начальник заградительных отрядов приказал мне и моим подчинённым проследить за местом сражения возле деревни Жестяное, которое закончилось фактически вчера. На нём погибло множество людей, много гремучего песка на нём сожгли, но ни войска Фаландрии, ни войска Ганмании не смогли здесь закрепиться: слишком мало солдат осталось с обеих сторон, чтобы хоть кого-то оставить для постройки укреплений.

Задача же наша заключается в том, чтобы не допустить, чтобы разведчики или вражеские отряды прошли через это выжженное поле. Для этой цели мне выдали пат¹¹ лирядов и оружие с припасами на па¹² дня, столько, сколько нужно, чтобы пришли дополнительные подразделения, дабы они смогли закрепиться здесь и собрать брошенное оружие.

Также нам приказали не допускать мародёрства на территории прошедшей баталии: местные иногда выходят на охоту за вещами погибших солдат, а по словам Князя, в Своде сказано, что за это стоит расстреливать на месте. “Без пощады рубить мародёру голову” – так я однажды услышал от него, когда был в столице.

Из-за деревьев к лагерю подошел лиряд Гелим, сделал несколько чётких шагов по грязи, которая от его жёстких ударов летела ему на серые штаны, и приблизился ко мне на расстояние пат шага. Гелим опустил кулаки вниз к земле настолько, насколько позволял его невысокий рост, который он пытается компенсировать выпрямленной спиной и высоко поднятой головой.

– Господин баряд¹³ Ганманского княжества, лиряд Гелим завершил свой пост на обзоре поля битвы! – протараторил он мне, почти переходя на крик, – разрешите смениться?

Я посмотрел на этого парня с грубоватым лицом сельского драчуна, малую часть которого скрывал промокший капюшон. Из-под него свисали промокшие каштановые волосы и виделись уставшие, но гордые и смелые глаза.

– Лиряд, сколько раз повторять? – я отвёл взгляд от Гелима обратно на котелок с едой. – Зови мне просто баряд. Хотя бы в лесу мне не докучай этими громоздкими докладами.

Он продолжал стоять, потому что пока не знал, как отвечать старшим по званию, когда они говорят не по уставу.

Я посмотрел на остолбеневшего Гелима и сказал, – Скажи твоему сменщику, чтобы пошел на пост, а сам садись, грейся.

¹⁰ Лиряд – низшее звание солдата во всех княжествах.

¹¹ Пат(3) = 3.

¹² Па(2) = 2.

¹³ Баряд – следующее звание солдата после лиряда.

– Есть! – Он резко вышел из ступора и позвал свою смену на пост.

Из палатки лениво вышел мужик, завербованный прошлой зимой из села недалеко от столицы. На лице было полное безразличие и тоска, как у военнопленного. Он прошел мимо меня, не обратив никакого внимания на мой сопровождающий взгляд.

– Понаберут непонятно кого... – Сказал я и отгрыз кусок от корки хлеба. "Понаберут" я сказал с интонацией такой, будто на этом предложение должно было кончиться, но я внезапно для самого себя решил договорить.

Гелим осторожно присел возле меня на импровизированное сиденье из поваленного дерева, в которое, по-видимому, недавно влетело ядро из пушки. Он пристально смотрел на горящие поленья, грея вытянутые к огню руки. Зубы стучали от холода, а ноги были прижаты друг к другу, как будто их примагнитило.

– Разрешаю сделать глоток бражки, чтобы согреться, – пожалел я молодого добровольца небольшим попустительством. Лирыдам, как-никак, запрещено пить на службе, разрешено пить, хоть и в меру, только маружам¹⁴ и выше по званию.

Гелим посмотрел на меня благодарным взглядом, пока я не сводил взгляд с кипящей кастрюли с нашим ужином над огнём.

– Благодарю, баряд, но я не пью, – сказал он немного расстроенный, потому что не может исполнить этот приказ.

– Да? Неплохой способ скрасить вечер, скажу я тебе, зря отказываешься. Неужели никогда не пьешь? А дома? А как ты развлекался до армии то? – спросил удивленно я.

– Да как все парни на моём селе, господин баряд. Ухаживал за девчонками, катался на лошадях, ходил в лес, помогал родителям по хозяйству, когда моложе был, играл в "мортиру" с другими детьми.

– В "мортиру"? – удивился столь странному названию для игры я. – Никогда не слышал, а что делать надо в этой игре?

Гелим всё так же держал руки у костра, хотя по нему было видно, что он уже согрелся. Рассказывал он с интересом, ему постепенно даже становилось всё меньше дела до того, что я выше его по званию и он уже говорил не так зажато и открыто выражал эмоции.

– Все желающие играть собираются в кучу и тянут жребий, кто победит – тот Мортира. Мортира должна отойти на пан и пар¹⁵ шагов от толпы и взять любой предмет, который больше пули пистолетной, и бросить как ему угодно навесом по толпе. Задача остальных игроков – поймать то, что кинула Мортира, желательно на лету. Кто победит, тот следующая Мортира и так по кругу, пока не надоесть или кто лоб не расшибёт в суматохе.

Я удивился таким развлечениям у сельских ребят, думал, что они бьют друг друга палками по голове или так, по старинке, дерутся на кулаках. "Мортира" меня, конечно, удивила, но мне больше меня сейчас волнует выкипающая кастрюля с картофельной похлёбкой.

Перемотанными плащом руками я снял кастрюлю с железного прута, который удерживал наш ужин над огнём. Из сумки под тентом я достал две деревянные тарелки и ложки. Я разлил получившуюся похлёбку равномерно по тарелкам и отдал обе Гелиму, чтобы он их подержал, пока я прячу кастрюлю под тентом.

Закончив с приготовлениями, я сел на своё место и взял одну из тарелок, которые держал мой подчинённый.

– Баряд, возьмите мою тарелку, здесь больше мяса, – взяв ложку из моей протянутой руки, сказал Гелим и показал на весу свою тарелку.

– Нет, лиряд, оставь. Я не смотрел какую беру, если я взял эту, значит так было велено извне.

¹⁴ Маруж – начальное офицерское звание армии все княжеств.

¹⁵ Пан(6) и(+) Пар(4) = 10.

Я зачерпнул ложку похлёбки, подул на неё и поместил в рот.

– Неплохо, – сказал я, – но жаль, не получилось найти соль, моих запасов едва ли хватило на пару человек.

Гелим осторожно зачерпнул из своей тарелки похлёбку моего приготовления, подул и съел содержимое ложки.

– Очень вкусно! Да Вы – талант, баряд! – кивая от удовольствия сказал он.

Либо он мне льстит, либо в его деревне питались исключительно сырой картошкой. Я, конечно, много лет работал на кухне, но то, что я приготовил – это мой максимум, потому что какую-нибудь тыквенную кашу я так и не научился сносно готовить.

– Так насчёт твоей игры. – внезапно продолжил я разговор, – Я не понял, что в ней весёлого?

– Ну так все же собираются, веселятся, прыгают друг на друга! Это же здорово так! – мечтательно поведал Гелим, – А вы разве не играли в такие игры в детстве?

Пока он говорил, я почти доел, на дне лишь оставались несколько ложек похлёбки и плавающий в ней кусочек мяса. Он был прямо в середине тарелки и равномерно качался на поверхности, то чуть опускаясь, то поднимаясь над жидкостью.

– Господин баряд? – его голос вывел меня из раздумий.

– А, да, были, но я больше один играть любил, – будто только проснулся, с затуманенным сознанием ответил я.

– Но друзья же у вас были?

– Конечно, были. Были у меня друзья и всё у меня было, что за вопросы? Все в моей деревне сейчас, ждут меня живым с интересными историями. Спрашиваешь ещё...

– Извините, Господин баряд, за моё любопытство... Говорят разное, вот и...

– О чем ты, Гелим? – кусочек мяса терпеливо ждал, но я не мог промолчать.

– Я слышал... У Вас нет семьи и в увольнение Вы всегда едете в город. Теперь я знаю, что это гнусная ложь, извините, пожалуйста.

– Бред! Да, я иногда езжу в город выпить качественного алкоголя и поесть приличного обеда. И из-за этого кто-то пускает слухи обо мне? Гелим, ну у тебя же есть своя голова, чтобы подумать? – с серьёзным видом спросил я. – Есть же, мне не мерещится?

– Так точно, всё на месте!

– Вот этим "всё" ты должен думать и решать, чему верить, а чему нет. А не всё впитывать... Как тряпка для пола, не знаю ещё как лучше сказать.

– Вы правы, Господин... А разрешите ещё вопрос?

– Удиви, – сказал я и наконец-то опустил последнюю ложку с похлебкой себе в рот.

– Как называется ваша деревня?

Вопрос оказался костью мне в горле. Я чуть не подавился, но пересилив желание поперхнуться сказал, – Это военная тайна, я не могу сказать.

Гелим извинился за вопрос и быстро доел свою порцию и хотел уже взять мою тарелку, чтобы помыть.

Вдруг из кустов выбежал только заступивший мужик, чьё имя я забыл, ведь он постоянно молчал и ни с кем не разговаривал.

Я встал с упавшего дерева и посмотрел на запыхавшегося солдата, который прошёл несколько шагов от края лагеря к нам и остановился. У него была небольшая отдышка, но похоже это от волнения, а не от усталости.

– Почему ты не на посту? – спросил я у него.

– Господин баряд, по полю битвы шастают какие-то люди, – доложил мне он.

– Гелим, поднимай Силица! – ударным тоном приказал я. – Мы выходим на разведку.

10.

Мы выдвинулись из леса в сторону нашего поста. Ливень в ночь будто выколол нам глаза, и мы видели только очертания окружающего нас мира. А впереди нас ожидало пространство вовсе без границ.

Прошедшая битва простиралась на поле, которое идёт вдоль реки Стрела, впадающей во вражеские земли. Наши войска сражались за переход через эту реку, а северяне хотели закрепиться на этой стороне, чтобы дальше продолжить наступление на Франселендию. По итогу никто ничего не добился, только оружие на земле ржаветь осталось да трупы разлагаться. Возможно, оно привлекло мародёров, но может быть это и разведчики. Решено разделиться и тихо выдвинуться на их поиски.

Мой отряд спустился вниз по склону, чуть не упав в грязь. Мы собрались в кучу, чтобы не надо было кричать и привлекать внимание: дождь настолько шумный, что и свои я мысли плохо слышу.

– Где они были? – спросил я у всех, хотя знал это только безымянный.

– Там, впереди где-то, я насчитал пан¹⁶ человек, – ответил призывник, который только сейчас наконец-то пришёл в себя.

– Всем зарядить оружие и идти в растопырку от этого места, держа крайнего сбоку в зоне видимости, – озвучил команду я.

Силиц, стараясь перебить грохот грома, спросил, – Господин баряд, как это, "в растопырку"?

Я показал ему растопыренные пальцы правой руки, – Так понятно?

– Так точно! – ответил Силиц. Несмотря на то, что мы ровесники, он соображает пока туго в военном деле. Его недавно призвали и особого энтузиазма к нашему делу он не проявляет, как и завербованный близ столицы.

Совсем другое дело это Гелим, который пришёл в армию добровольцем, из чувства долга перед своим Князем и восхищения солдатами Востока, которых он с детства почитал как героев, прямо как я. Всё это он мне рассказывал по пути сюда, а я о себе я исключительно молчал.

Мы выдвинулись, справа от меня Силиц, правее от него призывник, слева от меня идёт, крепко вросший в пистолет, как дерево в землю, Гелим. Впереди стена из тяжёлого, как свинец, дождя.

Мы идём осторожно, понемногу отдаляясь друг от друга. В согнутых руках я держу пистолет пружинно-капсюльной системы, выданный мне несколько месяцев назад, когда меня повысили до баряда.

Гром бьёт по ушам так, будто никакое сражение здесь не закончилось, а всё также продолжается. Вокруг стреляют нарезные пушки бронзовыми снарядами; солдаты, которые истратили свои боезапасы, бегут в бой с саблями и мечами друг на друга, коля и отрубая друг другу конечности. Они поначалу кричат друг на друга от наплыва сил и злости, но получив смертельный удар, вопят от ужасной боли и страданий. Я до сих пор слышу это стальное насилие над жизнью.

Но нет, все кто здесь бился – лежат у нас в ногах с искривленными лицами, культями вместо рук и ног, и гниют под поминальным дождём, смывающим кровь с их тел. Флаги более не реют на древках: они все втоптаны в ничейную землю.

¹⁶ Пан(6) = 6.

Видимость решительно никакая, спасает только белый свет от Мира Богов, исходящий из отверстия в небосводе, который еле как пробивается сквозь чёрные тучи и даёт нам маленькую толику света, помогающую не спотыкаться об трупы и камни.

Я оглянулся, очертания моих подчинённых постепенно становятся все менее и менее видными, безымянного почти и не вижу.

Под ногами хлюпает редкая грязь, редкая она, потому что остальная поверхность земли занята трупами, оружием, ядрами. В некоторых местах стоят пушки, которые уже не пригодны для стрельбы: одни разорваны ответным огнём, некоторые взорвались от избытка гремучего песка, или быть может от неисправности конструкции самой пушки.

Такие, как Гелим, представляют войну, как что-то благородное и красивое, как борьбу зла с добром из детских сказок. В жизни же это месиво из стали и кусков мяса. Под нами наши герои, которые может и мечтали погибнуть в сражениях за свою Родину, но скорее всего воображали смерть как маленькую дырочку в сердце, которая бы убила их мгновенно.

На деле же под нами люди без голов, с разорванными туловищами, обожженными лицами и без рук. Кого-то застрелили из дробовика, кого-то из пистолета в глаз, кому-то оторвало ногу ядром. Совсем не сказочное зрелище. Интересно, что об этом думает Гелим, пошатнуло ли его мировоззрение эта картина?..

Внезапно из размышлений меня вырывает то, что безымянный призывник встал на месте и не двигается. Я тоже остановился и вместе со мной остальные участники заградительного отряда. Я смотрю на него, ожидая сигнала, но он встал как глыба и не двигается, смотря перед собой.

– Гос... – попытался что-то сказать Гелим, я показал ему жестом руки возле рта, чтобы он заткнулся.

Я опять повернулся в сторону крайнего справа солдата, но он всё так же стоит без движений. Начинаю чувствовать сгущающееся напряжение.

– Силиц, что с ним? – я пытаюсь сказать это шепотом, но из-за дождя приходится повышать тон чуть ли не до крика.

– Ничего не вижу, – скомкано ответил он.

Моё нутро стало бить тревогу, чувства обострились, но ничего из этого мне не могла дать ясного ответа на мой вопрос.

– Силиц, спроси в чем дело! – приказал я, стараясь не кричать.

Он повернулся к безымянному, опустив прямые руки с пистолетом вниз. Дождь будто замедлился, повисло молчание длившееся словно вечность.

– Эй, что сл...

Это было мгновение столь короткое, что я мог разглядеть его, всего лишь моргнув. Но я успел увидеть в этой вспышке света разлетающийся по кусочкам череп моего солдата.

11.

Грохот от выстрела затерялся в свинцовом ливне дождя, запах серы сразу же прибило к земле, и мы не успели ощутить его у себя в носу, и только пламя из дула пистолета мародёра смогло рассеять кромешный мрак вокруг нас, хоть и на короткий миг.

Безымянный солдат упал к остальным трупам и теперь нам всем стало видно, что мы оказались в засаде.

Сбоку от него все это время сидел, притаившись как змея, бандит. Его нервы не выдержали стресса от подошедших солдат – он выпустил свой смертоносный яд прямо в голову нашему товарищу.

Силиц, к моему удивлению, не растерялся и вытащил свой клинок. Он сделал несколько длинных прыжков, как молодой олень, и с размаху ударил по шее бандиту. Голова не отлетела, удар был не точный, слабосильный, но хватило, чтобы противник упал замертво с криком, который остался в горле.

– Баряд, я это сделал! – горделиво запел он, подняв саблю вверх, над полем, которое мне начинает казаться проклятым из-за нескончаемых тут смертей.

– Отряд! Уходим! – выкрикнул я.

Эти выродки оказались не простыми нищими дурачками из деревни, а очень даже подготовленными убийцами. Нужно перегруппироваться и подготовить новый план, пока в этой засаде нас не распотрошили как оглушенных рыб.

Силиц повернулся ко мне с какой-то странной и пугающей улыбкой. В его глазах мелькает кровожадное желание продолжить бойню, до оскомины знакомое мне чувство.

– Но, баряд, тут б...

Внезапно он упал на спину, держась за шею. Он не успел даже слово договорить... шума не было, похоже на метательный нож.

Убивают моих солдат, будто они какие-то мухи... Зубы сжались, во мне вспыхнуло нечто злое и мышцы рук вдруг стали стальными. Планы поменялись.

– Стреляй! – закинув пистолет в кобуру, я вытащил саблю и побежал зигзагами в примерное место, откуда метнули нож.

Гелим не растерялся и выстрелил вперёд меня. Нужно мне место он так не осветил, неизвестный в тени испугался и отпрыгнул, тем самым выдав себя. Прыгая по трупам и камням, я добежал до убийцы Силица. Я ощутил свой клинок как продолжение моей руки, я стал единым целым с ним. Размахнув руку с такой силой, что ещё немного и я бы сломал себе плечо, я разрезал впереди летящий воздух со свистом диких горных ветров и довёл лезвие до позвоночника противника. От удара его хребет переломился как ветка.

Небо заискрилось и в землю ударила молния – золотая стрела Бога Огня. В нескольких шагах от себя я увидел двух человек. В эти мгновения, я внимательно вглядывался в их лица. Перед собой я увидел трясущегося парня с дробовиком и мальчишку, который плачет. Свет от вспышки стрелы потух, но в какую сторону они побежали я запомнил.

Я вытащил саблю из спины моей жертвы и мои ноги сами меня понесли по грязи и телам павших вперёд, за моими жертвами.

– За ними! – скомандовал я для последнего из моего отряда солдата.

Гелим рванул за мной. На ходу он спрятал свой пистолет, поскольку оружие лирыда однозарядное, и он сосредоточился на погоне, не став вытаскивать саблю. Постепенно он нагнал меня, парень оказался не промах.

– Стой, тварь! – я опустошил свои лёгкие этим криком, разошедшимся громом над землёй, столь громким, что он смог бы сотрясти уже мёртвую долину.

Над головой карающий клинок моей великой армии, рисующий в воздухе круги, будто водоворот из стали, желающий затянуть моих врагов в их последней танец.

Я вдруг почувствовал, что подвернул ногу, когда наступил надохлый мешок из мяса и костей, но боль мне больше не хозяйин. Я стал полным господином над своим смертным телом. Ярость дала мне безграничные силы. Только попадитесь мне, жалкие черви, я вас самолично разорву и сожру!

– Баряд, стреляйте! – крикнул мне Гелим. Он намеренно держался от меня на дистанции, чтобы я ему случайно не отрубил голову в приступе животного бешенства.

– Я, по-твоему, отброс трусливый, чтобы в спину стрелять?! Это теперь дело моей чести. Догоняй их! – ответил я с презрением на такое предложение.

Гелим уже начал задыхаться, ведь, в отличие от меня, его кости не лопаются от невыносимой ненависти, его зубы не искрят как кремь от желания впиться в шею врага. Он служит своему Князю, я служу своему гневу.

Моя добыча уже близко. Я слышу их усталые хриплые вздохи, я чувствую их оголтелый страх. Они спотыкаются и чуть ли не падают от надвигающегося ужаса.

Мой глаз подсказывает, что время пришло. Я перестал вращать саблю вокруг своей головы и теперь держу её за плечом, целясь, чтобы ударить по бандиту с дробовиком, который бежит, держа его перед собою в согнутых руках. В моих мыслях я уже вижу, как он вопит от боли, как он...

Внезапно мою мысль оборвал его неожиданный маневр. Он прыгнул вперёд, а пока падал, развернул туловище в нашу сторону. На его лице оскал зверя, зажатого в тупик. Из-за его бока медленной поступью выходил дробовик.

– Баряд! – крикнул Гелим и прыгнул на бандита с вытащенной наспех саблей.

Он успел нажать на спусковой крючок. Курок ударил по капсюлю сбоку от ствольной коробки, подав пламя в зарядную камеру и воспламенил гремучий песок. Из укрепленного чугуна ствола вылетел столб пламени.

12.

Дождь слабеет, по моему лицу бьют редкие капли, смывая кровь в лужу под моей головой. Тучи постепенно развеиваются, открывая для взора прекрасный свет не из нашего мира.

В ушах нескончаемый звон и гул. Я не чувствую своё тело, только колющие ощущения по всей правой руке. Такое чувство, будто я умер.

Гул проходит, и я пытаюсь встать на ноги. Дрожащей правой рукой пытаюсь поднять туловище, но она скользит по грязи. Пытаюсь удержаться пальцами за землю, но ничего не выходит.

Я поднимаю руку к лицу и вижу, что тем выстрелом мне оторвало большую часть всех пальцев: каждый сократился почти вдвое. Из всех получившихся ран текут струйки крови на мою броню, покрытую сажей и грязью.

Вдруг до меня доходит эта боль. Поначалу мои чувства притупились, но теперь она пришла в полном объёме.

– Аааааарх! – вырвалось у меня из моей перекошенной пасти. От такого внезапного наплыва сконцентрированной боли всё моё тело начало сжиматься и дрожать, в глазах заискрило.

Я схватился за пальцы и стал их рассматривать, не веря в то, что я вижу. Этого не может быть, это сон, это неправда! Я столько лет сражался и отделялся незначительными ранами от пуль и неглубокими порезами, а сейчас мне почти оторвало руку!

Начинаю чувствовать слабость, нужно остановить кровь. Развязываю верёвку на поясе и завязываю её на руке. Кровь остановилась, но вот боль – ни капли.

Кое-как поднимаюсь на ноги, стараясь не опираться на правую руку. Боль не утихает, но я пока держусь. Нужно найти Гелима и идти с ним в лагерь. В полусогнутом состоянии я осматриваюсь вокруг.

Стрелявший лежит в грязи, голова неудачно приземлилась на булыжник во время падения. В руках остывающие остатки дробовика, который разорвало от избытка пороха. Видимо боеприпасов у этого вояки не было, поэтому он положил сколько было пороха и рассчитывал нас этим убить. Ранил, конечно, он сильно, но жить мы будем.

В нескольких шагах от него лежит тот парень, который плакал. Его похоже оглушило, никаких ран на нём не видно. Никаких сил нет вести его на эшафот, так что казним прямо сейчас.

– Гелим, вставай! Последнего выродка добьём и вернёмся в лагерь! – сдерживая боль, приказал я.

Гелим лежит неподвижно на боку, лицом ко мне. На физиономии видно немного крови, но по виду он целый и невредимый, только всё продолжает молчать.

– Лиряд, встань! – приказал я. Никакого ответа не последовало.

Шатаясь, я подошел к нему. Дождь смывал кровь с его лица и мне стал виден его остекленевший взгляд в никуда.

– Гелим, очнись!

Я пытался встать на колени, но силы покинули меня, и я упал как мешок лицом в грязь. Разорванной рукой я карабкаюсь к Гелиму. Его глаза смотрят сквозь меня.

– Гелим, нам надо уходить, вставай! – сказал я тихо, ведь он был так близко, да и громче я уже сказать не мог из-за наступающей слабости.

Левой рукой я толкнул его плечо, и он перевалился на спину. Теперь я вижу сквозь разорванную одежду и броню ошмётки вместо его грудной клетки.

Что внутри меня тоже порвалось. Сердце налилось впервые за много лет не гневом, а невыразимой болью. Дыхание стало быстрым и сбивчивым, но бессмысленным, воздуха мне

всё равно не хватает. Я пытаюсь сжать кулаки, но меня пронзает безумным страданием, от которого у меня опять сверкает в глазах. От этого пытается проснуться злость, но она затухает как огонь, который хочет загореться под водой.

– Ууууу, – всё что может выйти из моего рта в этот момент.

Весь мой отряд погиб, и я, как их командир, виноват в этом. Кого-то оторвали от семьи, кто-то сам захотел служить в армии Востока. Все такие разные, но объединяла их сабля, которая требовала от них верности и силы духа, взамен предлагая умереть как герои. Они получили то, чего им положено по праву. Так я пытался себя утешить...

И я, похоже, сейчас умру, хоть, и не чувствуя себя героем, потому что сомневаюсь. Сомневаюсь в том, за что я сражался. У меня ведь тогда не было выбора, я просто хотел жить. Заслуживаю ли я сейчас хотя бы в мыслях себя похоронить в качестве честного солдата или я должен признать, что мне сейчас горько видеть эти смерти?

Пока я думал о своей судьбе, надо мной встал очнувшийся мальчишка.

Тучи развеялись, дождь заканчивался, сбрасывая на нас последнее, что у него было в боезапасе. В сторону Востока летела огромная туча, которая закрывала ещё недавно Свет. Теперь Богам ничто не мешает смотреть прямо на меня своей неестественно белой сущностью в виде белого диска.

Под ней, весь в грязи и трясущийся от холода, стоит парень с золотыми волосами. Он смотрит на меня со слезами на глазах, но губы не двигаются. В руках у него ничего нет, однако я испытываю необъяснимый страх от его молчания. Он будто не из этого мира: лицо красивое и ухоженное, без каких-либо шрамов и царапин. Я не понимаю, что такой человек забыл в этой кровоточащей ране нашего мира. Но он здесь, стоит и смотрит на меня с красными от слёз глазами.

– Мне жаль, правда жаль. – промолвил он тихо и тут же замолчал, перехватывая дыхание.

Я не понимаю, о чём он говорит. Я ждал, что он достанет пистолет и добьёт меня. Но вместо этого... он жалеет меня? Он издевается что ли?!

– Убей уже меня! – разбивая землю под собой требую я.

Он всё также смотрит мне в глаза, часто моргая. Дыхание даётся ему с трудом: его грудь медленно поднимается и резко опускается с надрывом.

– Убей! – начинаю молить я, срываясь на крик. – Убей меня, слышишь?!

Больше не чувствую сил даже, чтобы выползти из лужи, в которую я упал. Кровь больше не идёт, но её успело выйти достаточно, чтобы я больше не смог встать самостоятельно. По всей руке видны порезы, но они больше не болят. Только то, что осталось от пальцев продолжает гудеть и колоть от ноющей боли.

– Нет, я спасу тебя. Это всё, что я могу сделать для тебя, – сказал блондин и склонил голову к земле.

– Спасёшь? – из последних сил говорю я. – Я твой природный враг, губитель брата твоего, а ты меня спасти хочешь? Да я убью тебя, сволочь, за это...

В глазах потемнело. Я дышал, но воздух я не ощущал. Мир испарялся словно лужа в жаркий день. Шея ослабла, и голова упала в грязь. В последние мгновения сознания я увидел, как этот парень спускается ко мне. Его волосы блестят от Света Богов как золото.

13.

Кажется, меня разбудило пение птиц. Они щебечут о чем-то своём, сидя на высоких ветках, и их ни капли не волнует, что тут внизу. Они летают к друг-другу, общаются с собратьями и только иногда ныряют к нам, простым смертным без крыльев, чтобы ловить жучков для своих семей. Наше жизненное пространство для них только охотничьи угодья.

Сквозь листву я вижу, как на меня стекает свет Великой Пули, подобно сладкому мёду из улья. Давным-давно великие старцы так называли этот круг в небе, который освящает все Земли половину дня. Гигантская Пуля, выпущенная Богом Огня, летит куда-то в землю за наши грехи, а ночью мы видим отверстие от вылета этой пули из мира Богов в мир наш. Оно постепенно зарастает обратно, но потом вновь расширяется, позволяя увидеть белый Свет священного и недостижимого Царства Богов. И так каждый день, даже когда Пули не видно из-за туч, она в небе, вот-вот врежется в землю, уходящую от неё при усилении Бога Ветра.

Несмотря на различия в верах и на разный подход к пониманию наследия Древних, на всех Землях этот золотой круг называют Пулей, насколько мне это известно. Это поражало меня всегда, ведь в это даже поверить не получается. Во всех княжествах говорят примерно на одном языке, но каждый народ старается выделиться своим произношением и своими, только им понятными, словами. Но каждый знает, что в небе – Пуля, которая когда-то нас настигнет и уничтожит.

Мои мысли перебил голод, который требовал немедленного внимания к себе.

По привычке я попытался резко встать на ноги, но сил хватило только на подъём головы, чтобы осмотреться и понять, где я. Оглядевшись я пришел к выводу, что я в бандитском лагере, который стоит в густом лесу. Бандитский, потому что палатки сделаны даже не из дешевой ткани, а из веток и листвы. Вижу также своеобразный склад, в котором лежит разнообразная добыча: винтовки, пистолеты, мечи и куски различных металлов. Под всё это добро постелили прочную ткань, которой обычно накрывают пушки. Рядом также стоят закрытые ящички из дерева, там, наверное, лежат ценности поменьше.

Итого: несколько палаток, склад и потухший костёр, но ни единой души рядом. Только ветер гуляет туда-сюда, шелестя зелёной листвой.

Над костром я замечаю кастрюлю, в которой лежит деревянная ложка. Делать нечего, и я решаю проверить, что там.

Кое-как я встаю на ноги. Моя рука обмотана жухлыми листьями, привязанными к кисти руки куском ткани. Я убираю эту перевязку и смотрю на то, что раньше было моими пальцами. Сознание тогда меня не обмануло и ни капли не приукрасило то, что с ними случилось. Действительно, все пальцы укоротило, обнажая маленькие беловатые косточки. Они с трудом шевелятся, причиняя мне боль, но толку теперь от них мало: пистолет правой рукой я больше держать не смогу.

В голову лезет злость того дня, и я мгновенно срываюсь целой рукой по рядом стоящему дереву. Оно в ответ мне отдачей бьёт по правой, и я сгибаюсь в коленях, начиная вспоминать, как я потерял в тот день весь свой отряд. Перед глазами проносятся их лица, неопытные, но готовые выполнять свой долг не жалея себя. Я чувствую жгучее отчаяние, оно жарит меня изнутри, сжигая мои кости и органы. Но я должен идти дальше, они бы точно не хотели, чтобы их командир сдался и, забыв их великие жертвы, пал головой на плаху врага.

Всё же собрав остатки сил, я, наконец-то, подошёл к посуде над костром. В ней недавно варили мясо зайца с овсом. Я ещё раз огляделся по сторонам, убедившись, что рядом никого – я набросился на содержимое кастрюли. Деревянной ложкой я черпал большими кусками еду, давась и совсем не пережевывая. Слюни текут, орудую я ложкой быстро, но иногда вхолостую,

хотя еда и не хватает соли и сварена она плохо. Несмотря на эти придирки, прямо сейчас это почти самая вкусная еда в моей жизни.

Кастрюля опустела, и я бросил ложку на дно посуды со звонким ударом, который раздался эхом внутри чугунных стенок. Вытерев рот, я решил найти того блондина и понять наконец: зачем он спас меня?

Перед встречей с последним, я проверил своё снаряжение. Стальные наплечники местами помяты от разрыва ружья, но целы. Правый рукав порван осколками, видны порезы. На кисть руки уже не обращаю внимания: с ней всё понятно. Пистолет, к моему удивлению всё так же лежит в кобуре, а вот ножны сабли пусты: тем выстрелом её выбило куда-то в сторону вместе с моими пальцами. Вся одежда в высохшей грязи и немного мокрая, плащ одиноко висит на ветке дерева, которое я недавно ударил.

Ещё раз внимательно осматриваю лагерь в поисках хоть каких-то подсказок к тому, куда пропал золотоволосый мальчишка. В палатках пусто, за ними никого и поблизости тоже никого не видно. Может пошёл воды набрать?

Краем глаза замечаю помятую траву на краю лагеря. Подхожу ближе и вижу тропинку, идущую куда-то сквозь сосновый лес. Она уходит вдаль, в место, скрытое деревьями и кустами. Больше вариантов нет, и я решаю идти по ней.

Где-то трещат стволы деревьев под натиском ветра и времени. Со всех сторон продолжают петь птицы. Их голоса раздаются эхом в лесном массиве, создавая ощущение, что они поют со всех сторон разом. Но они прямо у меня над головой, отдыхают в своих гнёздах.

По дороге меня сопровождают папоротники и невысокие кусты. Они шелестят об мои ноги, будто пытаясь остановить или даже ранить, если попадается растение с шипами. Однако я продолжаю идти: меня не волнуют эти недодеревья.

Я перевожу свой взгляд в кроны вековых гигантов впереди меня. За ними, за их заросшими ветками я вижу небо. Оно сияет несравнимым ни с чем синем цветом. Именно небо всегда приводят в пример, когда нужно описать оттенок синего, способный заморозить любого. “Небесно-синий”. Это мой любимый цвет, ни одна живая душа об этом и не знает.

В небе, на уровне скал, видны чудные ватные облака. Они так медленно плывут в потоке воздуха, что кажется, что они вросли в свои места. Как молочные пятнышки на синей скатерти. И золотое яблоко на середине стола, оно собрало людей вокруг.

Эта картина будто окрыляет меня, даёт мне сил и на мгновение отводит мой взгляд от моих безобразных ран.

Но я не могу забыть про это. Я не воробей, не кукушка и не пересмешник. Я ужасающий ястреб, выгрызающий органы своих жертв. Я взлетаю, чтобы стрелой влететь в добычу. У меня нет времени любоваться бескрайним небом и нашим Светилом, ведь я охотник, меня ведёт жажда крови.

Такова моя натура. С раннего детства я жил в гарнизоне, в окружении солдат. Каждый день я слушал истории о том, как они убивают и хоронят людей. Убивать и хоронить – вся жизнь человека с оружием. Меня постоянно обучали в этом деле. Учили, что наши враги не достойны жизни и их следует уничтожить, ведь они желают лишь убивать и насиловать наш народ. Поэтому мы и воюем. Когда подрос, меня учили обращаться с саблей и огнестрельным оружием. За все те годы я научился стрелять со всех видов оружия: от искрящего пистолета и до нарезной пушки. В зрелом возрасте мне предложили взять в руки оружие и сражаться наравне с остальными. Я согласился, ведь хотел наконец-то выйти из этого вонючего гарнизона хоть куда-то.

В бою я проявлял себя хорошо, так что через несколько зим я стал барядом и получил должность начальника заградотряда. И всё это меня привело сюда, в лес, в котором где-то бродит тот блондин. Не знаю, что с ним делать. Он хоть и спас меня, но по Своду я должен его казнить. Да и сам того не замечая, я достал пистолет левой рукой. Не понимаю, почему я это

сделал, ведь я правша. Неужели моё тело так быстро подстроилось, что без проблем сменило боевую руку?

Из-за деревьев начинает виднеться опушка леса. Я ускоряю шаг, пока не срываюсь на бег. И вот, переступая через арку из веток, я вижу парня, который меня спас.

14.

Он остановился посередине опушки, увидев меня. У него запотевший лоб и руки по локоть в грязи. Его удивленный взгляд пронизывает меня насквозь, словно заковывая в цепи и обезоруживая. Вряд ли он собирался убить меня после того, как перевязал мои раны и пронёс меня на своей спине через поле битвы.

Я молчу и не могу ничего сказать. Блондин также хранит молчание. Мой пистолет направлен дулом в землю, у него же в руках лопата. После продолжавшейся тишины он прерывает эту вязкую тишину короткой фразой.

– Не переживай, твои товарищи похоронены как положено, – сказал он, не ступая, оставаясь на месте.

Явно не этого я ожидал услышать от него. Обескураженный, смотрю в пустоту и не понимаю: что тут происходит?

– Зачем ты это сделал? – спросил я.

– Это меньшее, что я мог сделать для них за поступок моих друзей. Мы шли забрать металл и ценные вещи, ожидая, что дождь скроет нас от вашего отряда в лесу. Даже когда я увидел вас, то просил моих людей спрятаться и дожидаться, пока вы уйдете. Всё вышло совершенно не так, мне жаль, это моя вина.

Эти слова выбили моё сознание из тела. Я смотрю на этого парня и на его лёгкие одеяния совсем не для здешних мест. Его персону вызывает у меня множество вопросов, ответы на которые, кажется, я не готов получить.

– Как тебя зовут? – робко вырвалось с моего языка.

– Армир.

Парень сделал несколько шагов вперёд ко мне. На жест его бесстрашия моя левая рука прицелилась ему в голову. Его это ни капли не смутило, и он продолжил идти. Его глаза неотрывно смотрят в мои, и шагает он абсолютно спокойно, будто идёт на встречу к старому другу.

То, что ему даётся легко – для меня невероятно тяжело. Я еле сдерживаюсь, чтобы не отвернуться от его взгляда, полного сочувствия и скорби, но в то же время великой решительности и самообладания. Свет от Пули озаряет его золотые волосы и по мере того, как он приближается ко мне – всё тяжелее становится смотреть на него.

Моя рука требует приказа. Но я не могу этого сделать, он будто хочет что-то сказать мне. Что-то, что решит все мои проблемы и даст ответ на все вопросы.

Армир встал в нескольких шагах от меня, так, что дуло пистолета почти уперлось ему в шею. Вблизи я смог рассмотреть его. У него глаза небесно-синего цвета.

– А тебя как зовут? – хладнокровно спросил Армир.

Нечто вдруг ошпарило меня кипятком, и я выкрикнул, – Отойди от меня! – но сам же и не думая отходить.

– Тебе незачем меня убивать, друг. Не хочу и не делаю зла, оно мне противно. Если хочешь знать...

– Закрой пасть! Я должен это сделать, преступник должен умереть и не о чем здесь говорить! Ты сам уже сознался в мародёрстве организованной бандой, мне более ничего не надо слышать для решения твоей судьбы.

– Я никому ничего не должен. А ты кому должен убить невиновного, который тебя, к тому же, спас от смерти? Неужели не видишь, что твой “долг” расходится с реальностью?

– Ты просто тянешь время, это не имеет ни малейшего смысла.

– Но ты не стреляешь, неужели сомневаешься, воин? – ехидно сострил он. – Воин не сомневается, он убивает врага. Чего же ты боишься?

– Ты сошел с ума, раз такое решил! Мне ничего не стоит это сделать!

– Тогда стреляй ты! Именно ты. Сбрось маску, за которой ты прячешься. Твой “воин” пустышка, за ним ты скрываешь страх перед настоящим собой!

О чём это он? Способен увидеть ли он мою душу или же нагло лжёт, чтобы сохранить свою шкуру?

– Это и есть я. Я – воин Восточных земель, – трепетно провозгласил я перед ним.

Блондин медленно покрутил головой из стороны в сторону и тяжело выдохнул, – Твой “воин” словно мстит, но ты знаешь, что не тому. Ты, настоящий, боишься истинного своего врага и поэтому направляешь оружие на слабого, ведь так проще, чем встретиться со своим немезидой.

Колеблясь, всё же решил я опустить пистолет. Мои глаза вопрошали с мольбой к Армиру, они хотели узнать лишь одно теперь, – И кто же мой истинный враг?

– Тот, кто сломал тебя и бросил сюда, умирать за чужие интересы.

– Южане убили мою семью той ночью, когда сожгли нашу деревню... это из-за них я здесь. Так и было, так и было...

– Ты пытаешься уверить себя в этом или правда так и случилось? Почему ты так не уверен и лицо твоё такое потерянное сейчас, словно пытаешься уговорить свою память не напоминать о чем-то? Твои глаза сейчас не такие уверенные, как были той ночью в грозу и буквально недавно, когда ты направлял пистолет мне в лицо.

Армир воткнул лопату полотнищем в землю и придерживает её одной рукой. Его настороженный взгляд и расслабленная поза переменилась на добрый взор и ровную осанку, с которой слушают нечто важное.

Я не отвечаю ему. Скользящий взгляд, не цепляясь ни за что конкретно, обводит местность кругами и склоняется к земле. Всё больше я слышу своё тяжелое дыхание.

– Скажи мне правду, друг, – тихо, еле слышно, сказал он.

Пистолет сам собой выпал у меня из рук. Я чувствую, как что-то внутри меня начало ломаться. Какой-то стержень, который удерживал меня на ногах множество лет. Перед глазами пронеслось моё детство. Мама, папа. Как мы жили, не зная горя и страха. наших соседей, которые ходили к нам в гости и дарили мне сладости и деревянные игрушки. Я вспомнил, как мне было хорошо.

И тут же ядром в моё сердце влетел тот день, когда мою деревню сожгли. Как моих родителей не стало. Как я думал, что это враг это сделал, враг их убил... И как я потом узнал страшную правду. Вспомнил подслушанный разговор офицеров, которые признались в их убийстве, оправдываясь защитой границ Востока. И вспомнил... Вспомнил, как я бросил нож в тазик с посудой и побежал, по велению, за бражкой для маружа, вместо того чтобы зарезать его за эту правду!

Я желал убить его, уничтожить того, кто отдал приказ сжечь мою деревню. Но я не мог себя заставить! Я почувствовал слабость перед ним. Почувствовал, что не могу этого сделать. Я только на миг задумался о том, что меня ждёт и сразу же впал, до мороза по коже, в ужас: меня ведь убьют! Будут пытаться мучительными способами! И даже если я смогу убежать от солдат – я буду обречён на голодную смерть в тёмном лесу. Я просто испугался всех этих образов будущего, как жалкий, бесхребетный трус и отбросил навсегда мысль о мести.

Тогда, впервые в своей едва начавшейся жизни, я почувствовал мои животные инстинкты, которые шли вопреки моей душе. Они велели подчиниться сильному, чтобы остаться в живых. Столько лет мне приходилось врать себе, чтобы не сойти с ума. Выдуманный мир, где в моём горе виноваты целиком и полностью Южане держал меня от пропасти.

А сейчас одним своим видом и проникновенными словами этот парень мне напомнил... напомнил, что жизнь – это не только страдания. Жизнь – это синее небо и золотые лучи света. Это не только тирания, но и понимание и сочувствие.

Всё это сломало годами длившуюся ложь. Колени согнулись, и я упал, придерживая руками туловище над землёй. Воздух собрался в моих лёгких, и я выпустил его скрипучим рваным дыханием. Из глаз хлынули слёзы, которые копились так много лет. Я пытаюсь собраться, но ничего не выходит. Меня будто взорвало изнутри, а кусочки не хотят крепиться обратно. Моё дыхание сбилось, и всё что я могу сейчас осознанно делать, так это смотреть мутным взглядом в землю.

Армир встал на колени, спустившись ко мне со своего трона невозмутимости. Я посмотрел на него ожидая, что он плачет. Но на этот раз он улыбался доброй улыбкой.

Меня это немного подбодрило. Я вытер слёзы и воспрянул. Я посмотрел в его глаза, которые будто говорят: “я знаю, что ты чувствуешь”.

– Меня зовут Карссен, – наконец-то ответил я.

15.

– Карссен! – из темноты послышался голос. Он и так далеко, и так близко сразу, оставаясь почему-то недостижимым.

– Карссен, очнись! – теперь уже громче и осязаемо услышал, но всё ещё не понимая, что происходит со мной.

Резкий удар по щеке и мои глаза залило ярким светом. В голове у меня будто водоворот из мыслей и воспоминаний сейчас, которые по очереди сменяют друг-друга в безумном урагане. Я не могу сосредоточиться на чём-то конкретном и поэтому испытываю почти одновременно и радость, и грусть.

– Карссен, ты меня слышишь? – наконец-то до меня дошло, что это Армир говорит со мной.

– Да... – протяжно ответил я.

Я сел на скамейку нашей лодки и огляделся вокруг. Перекрёстка рек уже и не видно, только каменистые берега и скалы за ними.

– Долго я был в отключке? – спросил я у Армира.

– Только ты тут любишь всё считать, мне на это как-то фиолетово. А вообще долго, да, – ответил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.